

ПЛАТОНЪ.

ЛВ 61п. 145,

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛЮТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Т. 34. 2.

С. П. Павленковъ
С. П. Павленковъ
С. П. Павленковъ

ПЛАТОНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ /

Е. Орлова.

Съ портретомъ Платона, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Большая Подъяческая, 39.

1896

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 8 ноябра 1896 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стр.

Наши свѣдѣнія о Платонѣ. — Его рожденіе, семья и первоначальное образованіе. — Встрѣча съ Сократомъ и взаимныя ихъ отношенія — Путешествія Платона. — Вліяніе Пифагорейской философіи. — Три поѣздки въ Сицилію и политическія мечтанія Платона. — Смерть его. — Внѣшность и характеръ его. — Политическія убѣжденія и вліяніе на современниковъ. — Дѣятельность Платона. — Школа и методъ. — Діалогическая форма Платоновыхъ сочиненій: ея преимущества и историческое значеніе. — Художественность діалоговъ и неудобочитаемость ихъ. — Подлинность діалоговъ и невозможность классифицировать ихъ. — Отсутствіе системы и характеръ Платоновыхъ доктринъ. — Теорія Шлейермахера и Германна — Хронологическій порядокъ діалоговъ и раздѣленіе философской системы Платона на три отдѣла. 5

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Историческій моментъ. — Міръ матеріальный и міръ идеальный. — Идеи — ихъ природа и отношеніе къ предметамъ чувственнаго воспріятія. — Иллюстрація. — Коренное противорѣчіе въ Платоновскомъ міросозерцаніи. — Знаніе реальное и мнимое. — Орудіе истиннаго познаванія. — Важность вопроса объ абсолютномъ знаніи. — Отвѣтъ на него Платона — теорія воспоминанія. — Произвольность ея и значеніе въ исторіи мысли. — Выводы практической морали и историческій ихъ смыслъ. — Іерархія идей. — Высочайшее благо. — Божество. — Сотвореніе міра. — Косное начало. — Матеріальная форма. — Міровая душа. — Космологія. — Психологія — Природа души. — Добродѣтель — Любовь 37

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Значеніе политическихъ взглядовъ Платона для настоящаго времени. — Утопіи вообще и Платоновская въ частности. „Республика“. Возникновеніе обществъ и ихъ органическіе элементы. — Ошибочность Платоновскихъ взглядовъ. — Политическія формы общества и ихъ недостатки. — Идеальное правленіе философовъ. — Роль воспитанія. — Въ чемъ оно состоитъ: гимнастика, музыка, поэзія и математика. — Значеніе этихъ предметовъ образованія. — Цѣли воспитанія: распредѣленіе общественныхъ обязанностей и правъ, и реализація высшаго блага. — Классы и ихъ добродѣтели. — Коренная ошибка Платоновской схемы. — Необходимость въ обществѣ единодушія и согласія. — Взгляды Платона на частную собственность и семью. — Уничтоженіе обоихъ институтовъ. — Брачное сожителство и положеніе дѣтей. — Неестественность Платоновскаго режима. — Положеніе женщины, ея права, обязанности и воспитаніе. — Основной недостатокъ Платоновскаго міросозерцанія. 58

ИСТОЧНИКИ.

- 1) Платонъ—Opera, 3 tom., Paris, 1846—1873, ed. Didot, Recog. Hirschig, Schneider и др. *).
- 2) Диогенъ Лаерцій—Vitae Philosophorum (см. біографію къ Сократу) 3-я кн.
- 3) Плутархъ—Vitae Dio. Paris, 1847, ed. Didot, Recog, Döhner *).
- 4) Дж. Гротъ—Plato, London, 1867, 2-е изд., 3 тома
- 5) Дж. Г. Льюисъ — The History of Philosophy (см. біографію къ Сократу), стр. 196—274 *).
- 6) Ф. Ибервегъ-Гейнце — Grundriss der Geschichte der Philosophie (см. біографію къ Сократу), §§ 39—43 *).
- 7) Э. Целлеръ — Die Philosophie der Griechen (см. біографію къ Сократу), стр. 337—835
- 8) С. Steinhart—Plato's Leben, Leipzig, 1873.
- 9) Р. Märkel—Plato's Ideal-Staat, Berlin, 1881.
- 10) Ch. Nuyt—La Vie et l'oeuvre de Platon, Paris, 1893, 2 tom.
- 11) С. Bénard—Platon, Paris, 1892.
- 12) Chaignet—La vie et les écrits de Platon, Paris, 1871.
- 13) А. Fouillée — La Philosophie de Platon, Paris. 1888—1889, 4 tom.
- 14) Примѣчанія и критическія введенія проф. Джоуэтта въ его переводѣ Платоновыхъ діалоговъ на англійскій языкъ

*) Сочиненія, отмѣченныя звѣздочкой, имѣются и въ русскомъ переводѣ.

А. М. Леопольдовъ
С. М. Леопольдовъ
В. М. Леопольдовъ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Наши свѣдѣнія о Платонѣ. — Его рожденіе, семья и первоначальное образованіе. — Встрѣча съ Сократомъ и взаимныя ихъ отношенія. — Путешествія Платона. — Вліяніе Пифагорейской философіи. — Три поѣздки въ Сицилію и политическія мечтанія Платона. — Смерть его. — Виѣшность и характеръ его. — Политическія убѣжденія и вліяніе на современниковъ. — Дѣятельность Платона. — Школа и методъ. — Діалогическая форма Платоновыхъ сочиненій: ея преимущества и историческое значеніе. — Художественность діалоговъ и неудобочитаемость ихъ. — Подлинность діалоговъ и невозможность классифицировать ихъ. — Отсутствіе системы и характеръ Платоновыхъ доктринъ. — Теоріи Шлейермахера и Германа. — Хронологическій порядокъ діалоговъ и раздѣленіе философской системы Платона на три отдѣла.

Большинство жизнеописаній великихъ личностей древняго міра неминуемо должны страдать однимъ весьма крупнымъ и существеннымъ недостаткомъ, а именно — неполнотою. Быть можетъ, люди въ тѣ времена не менѣе интересовались личной жизнью своихъ выдающихся современниковъ, чѣмъ теперь; но біографіи, не говоря уже о дневникахъ и мемуарахъ, составлялись гораздо рѣже, чѣмъ нынѣ, когда «человѣческій документъ» сталъ однимъ изъ главныхъ подспорьевъ исторической науки. Къ тому же писанное слово, увы! не пирамида и не можетъ устоять ни противъ вліяній долгихъ вѣковъ, ни противъ превратностей судьбы: оно легко теряется и погибаетъ, такъ что если до насъ и доходитъ литературный памятникъ древнихъ временъ, то скорѣе въ видѣ

исключенія, нежели какъ правило. Не нужно также забывать и той небрежности, съ какою люди тогда обращались съ фактами: необходимость строгой провѣрки ихъ не сознавалась еще особенно настоятельной, о критической оцѣнкѣ ихъ съ точки зрѣнія исторической или психологической ихъ важности еще не было и помину. Результаты отсюда получаются весьма плачевные: дошедшія до насъ свѣдѣнія либо скудны, либо такъ неважны и маловѣроятны, что по нимъ можно составить что угодно, но никакъ не біографію, удовлетворяющую требованіямъ современнаго вкуса или науки.

Обо всемъ этомъ приходится напоминать читателю на случай, если онъ вздумаетъ посѣтовать на насъ за тѣ или другіе пробѣлы въ настоящемъ очеркѣ. Въ біографахъ у Платона недостатка не было: начиная съ ученика его Ксеократа и вплоть до Діогена Лаэртія во II вѣкѣ по Р. Хр. цѣлый рядъ поклонниковъ и писателей оставили послѣ себя описанія его жизни и ученія; но большинство этихъ сочиненій погибло, а тѣ, которыя до насъ дошли, рѣдко даютъ намъ то, чего намъ нужно. Платонъ прожилъ 80 лѣтъ, но большая часть ихъ, проведенная въ тиши садовъ Академіи и вдали отъ театра бурной практической дѣятельности, не могла представить много драматическихъ моментовъ, какіе мы привыкли встрѣчать въ жизни напр. общественныхъ дѣятелей. Зато эти годы должны были быть богаты тѣмъ внутреннимъ содержаніемъ, которое вкладывается въ жизнь развитіемъ мощнаго человѣческаго духа. Великіе мыслители, въ противоположность поэтамъ, никогда не рождаются таковыми, а вырастаютъ, и этотъ ростъ ни въ комъ не совершался такъ непрерывно, какъ въ Платонѣ, который умеръ, все еще продолжая работать мыслью и развивать свою систему. Прослѣдить этотъ ростъ шагъ за шагомъ, ступень за ступенью было бы навѣрное дѣломъ болѣе интереснымъ и поучительнымъ, нежели описаніе какихъ бы то ни было событій внешней жизни; къ сожалѣнію, именно на этотъ счетъ древніе біографы грѣшатъ, и грѣшатъ сильно. Нѣсколько фактовъ, да и то сбивчивыхъ, противорѣчивыхъ и пересыпанныхъ легендами, — вотъ все, что мы можемъ у нихъ найти; искать же у нихъ изображенія психическихъ процессовъ такъ-же напрасно, какъ искать въ священныя книги Веды изложенія періодической системы или другой какой новѣйшей научной теоріи. Читатель по-этому не долженъ ожидать отъ насъ многого: простое изложеніе

фактовъ внѣшней жизни, насколько они намъ извѣстны, да изрѣдка указанія на нѣкоторыя обстоятельства, повліявшія на мысль Платона, — вотъ все, что онъ найдетъ въ этомъ очеркѣ. Дать больше мы, къ сожалѣнію, не въ состояніи.

Книги, говорили древніе, имѣютъ свою судьбу: нерѣдко повидимому имѣютъ ее и имена. Люди, которымъ имена Вольтера, Мольера или Меланхтона почти такъ-же знакомы, какъ имена выдающихся современниковъ, пожали бы плечами и, быть можетъ, сочли-бы за мистификацію, еслибы имъ стали говорить о блестящемъ писателѣ Аруэ, или великомъ драматургѣ Покелэнѣ, или знаменитомъ дѣятелѣ реформации Шварцэрдѣ. Точно такъ-же, мы увѣрены, многіе, которые приняли бы за обиду, еслибы кто усумнился въ ихъ знакомствѣ съ Платономъ или его именемъ, пришли бы въ недоумѣніе, еслибы имъ стали рассказывать о какомъ-то гениальномъ греческомъ философѣ Аристоклѣ. Да, имена дѣйствительно имѣютъ свою судьбу, и часто очень странную. Въ кругу своихъ современниковъ, даже близко къ нему стоящихъ, «божественный философъ», ученикъ Сократа и учитель Аристотеля, былъ извѣстенъ не иначе, какъ Аристоклѣ, и только послѣ его смерти прозвище Платона, данное ему въ шутку за его широкую грудь, или, по другимъ преданіямъ, за его широкій лобъ (отъ слова *πλατὺς* — широкій), приобрѣло мало по малу такую популярность, что наконецъ вытѣснило его прежнее имя и перешло въ исторію, какъ настоящее. Конечно имя — лишь звукъ пустой, куда лицо или вещь, имъ обозначаемая, остаются тѣми-же; все же насъ нѣсколько удивляетъ, когда мы узнаемъ, что имя извѣстной намъ личности совсѣмъ не то, подъ какимъ мы ее до сихъ поръ знавали. Такъ оно и въ данномъ случаѣ, и на обязанности біографа поэтому лежитъ, не придавая всему этому большаго значенія, указать однако на ошибку, которую безсознательно дѣлаютъ, говоря о Платонѣ, а не объ Аристоклѣ.

Годъ рожденія нашего философа, по нѣкоторымъ источникамъ, совпадаетъ съ годомъ смерти Перикла, т. е. 429 до Р. Хр., но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, болѣе заслуживаетъ вниманія другое мнѣніе, утверждающее, что, когда этотъ знаменитый государственный мужъ умеръ, Платону уже было около 2 лѣтъ отъ роду. Мы склонны поэтому думать, что Платонъ увидѣлъ свѣтъ въ 427 г. до Р. Хр., мая 26-го или 27-го. Мѣсто его рожденія также представляетъ спорный пунктъ: на основаніи нѣкото-

рыхъ преданій, одни ученые, какъ Гротъ, утверждаютъ, что Платонъ родился на о. Эгинѣ въ Сароническомъ заливѣ, гдѣ тогда существовала аѳинская колонія, и гдѣ отецъ его владѣлъ участкомъ земли; но другіе, и они составляютъ подавляющее большинство, признаютъ за родину Платона сами Аѳины, и именно одинъ изъ подгороднихъ его кварталовъ, Колиттъ.

Семья, къ которой Платонъ принадлежалъ, была одна изъ древнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ въ странѣ. Его отецъ Аристонъ былъ потомокъ знаменитаго царя Кодра, — того самаго, который не задумался пожертвовать на войнѣ своей жизнью, узнавъ отъ оракула, что та изъ враждующихъ сторонъ побѣдитъ, которая такъ или иначе лишится своего царя. Аѳиняне — продолжаетъ остроумное преданіе — были такъ поражены благородствомъ этого подвига, что отчаялись въ возможности найти ему достойнаго преемника и объявили тронъ навсегда вакантнымъ. Говорятъ также, что Кодръ велъ свое происхожденіе отъ бога моря Посейдона и такимъ образомъ являлся самъ чуть-ли не полубогомъ. Мать-же Платона, Периктіона (а, по другимъ, Потона), происходила по прямой линіи отъ Дропида, родственника и друга знаменитаго мудреца Солона, а ея братъ Хармидъ и кузенъ Критій принадлежали къ высшей аѳинской аристократіи, состоя въ послѣдствіи членами олигархическихъ тридцати. Такимъ образомъ всѣ обстоятельства какъ-бы складывались къ тому, чтобы открыть юному Платону блестящую политическую карьеру; но мы увидимъ ниже, что они были бессильны вселить въ него что-нибудь, кромѣ одного лишь отвращенія къ общественной дѣятельности, и косвенно такимъ образомъ привести его къ той области, въ которой ему суждено было занять такое высокое мѣсто. Все-же знатность происхожденія дала ему одно весьма крупное преимущество: она обезпечила ему тщательное и блестящее воспитаніе, какое только было доступно въ то время. Мы мало знаемъ о годахъ, протекшихъ со дня его рожденія вплоть до встрѣчи съ Сократомъ; но древніе писатели насъ увѣряютъ, что онъ учился много и прилежно. Способности его стали обнаруживаться рано, и во всѣхъ предметахъ тогдашняго образованія онъ оказалъ прекрасные успѣхи. Въ гимнастическихъ упражненіяхъ напримѣръ онъ такъ отличался, благодаря сильному физическому сложенію и природной ловкости, что сталъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ своего учителя Аристона, который и далъ ему это, нынѣ историческое, прозвище Платона.

Говорятъ даже, что онъ выступалъ публично на національныхъ играхъ — Пифійскихъ и Истмійскихъ; но эти преданія врядъ-ли заслуживаютъ довѣрія. Гораздо вѣроятнѣе рассказы о выдающихся его успѣхахъ въ музыкѣ и поэзіи. Учителемъ его былъ извѣстный въ свое время Драконъ, и хотя подлинность дошедшихъ до насъ черезъ Діогена Лаэрція стихотвореній—главнымъ образомъ лирическихъ—болѣе, чѣмъ сомнительна, мы имѣемъ однако полное основаніе вѣрить, что долгое время карьера поэта была любимой его мечтой. Время расцвѣта греческой музы еще не прошло, и неудивительно, что молодому человѣку, дѣйствительно обладавшему священной искрой таланта, лавры, стяжаемые Эврипидомъ и другими, причиняли безсонныя ночи. Платонъ пробовалъ свои силы въ различныхъ родахъ поэзіи—отъ эпиграммъ вплоть до эротической лирики; но повидимому больше всего напиралъ онъ на эпосъ и драму. Однако и отъ поэтической дѣятельности его въ этихъ областяхъ до насъ не дошло никакихъ слѣдовъ: написавъ обширную эпическую поэмѣ, онъ вскорѣ сжегъ ее въ безсильной ярости, сравнивъ ее съ Гомеровскими, и та же плачевная участь постигла его драматическую тетралогію, которая была уже почти готова для постановки на публичной сценѣ. Въ безвременной кончинѣ этого дѣтища, говорятъ, виновенъ былъ Сократъ, встрѣча съ которымъ вселила въ Платонѣ болѣе высокое честолюбіе, нежели желаніе затмить современныхъ драматурговъ. Это, значить, было около 408 года, когда Платону шелъ уже 20-й годъ. Еще до этого онъ успѣлъ познакомиться съ философскимъ ученіемъ Гераклита, и рой поднявшихся въ его головѣ думъ и сомнѣній и заставилъ его вѣроятно обратиться къ Сократу, какъ къ наиболѣе извѣстному тогда учителю мудрости. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній ни объ отношеніяхъ между этими двумя замѣчательными личностями вообще, ни объ умственномъ развитіи Платона за это время въ частности. Что онъ не сразу «осѣлъ у ногъ» Сократа, какъ выражался Алкивіадъ, и не сразу даже сдружился съ нимъ, можно заключить изъ того, что Платонъ за это время продолжалъ изучать философію по другимъ системамъ, кромѣ Сократовской, и къ тому-же часто принужденъ былъ отлучаться изъ города въ виду воинской повинности, которую онъ тогда отбывалъ. То былъ самый разгаръ Пелопонесской войны,—самая тяжелая пора для аѳинскаго государства, когда флотъ его былъ разбитъ въ дребезги и спартанцы принялись за блокаду Аѳинъ,

засѣвъ лагеремъ въ виду самаго Акрополя. Жертвы и труды, которые тогда естественно выпадали на долю каждаго аѳинскаго гражданина, были конечно неизбежны и для Платона, и хотя по разнымъ причинамъ мы врядъ-ли можемъ вѣрить тому, чтобы онъ участвовалъ въ битвахъ при Тавагрѣ, Деліи и Коринѣ, какъ нѣкоторые изъ древнихъ его біографовъ увѣряютъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что онъ видалъ кой-какіе виды и не всегда имѣлъ время или возможность заниматься разработкою философскихъ проблемъ. Какъ-бы тамъ однако ни было, по къ концу жизни Сократа онъ былъ съ нимъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ и считался однимъ изъ любимѣйшихъ его учениковъ. Мы знаемъ напримѣръ, что къ процессу своего учителя Платонъ изготавилъ защитительную рѣчь, которую онъ даже началъ было произносить, но былъ согнанъ съ трибуны дикими криками толпы. Онъ-же былъ однимъ изъ тѣхъ, которые поручились въ уплатѣ 30 минъ, предложенныхъ Сократомъ въ качествѣ штрафа, и только болѣзнь,—быть можетъ, причиненная глубокимъ огорченіемъ въ виду печальнаго исхода процесса —удержала его дома въ послѣдній день жизни своего любимаго наставника и друга. Лучше всего однако доказываетъ намъ его привязанность къ Сократу та безпредѣльная любовь, съ какой онъ рисуетъ портретъ своего учителя въ «Апологіи» и «Федонѣ»; и даже самый тотъ фактъ, что онъ дѣлаетъ его главнымъ собесѣдникомъ въ своихъ діалогахъ и развиваетъ свое ученіе его устами, показываетъ намъ, какъ онъ глубоко обожалъ эту личность и сознавалъ, и цѣнилъ ея вліяніе на себя.

Платонъ оставался въ Аѳинахъ вплоть до самой смерти Сократа,—послѣ чего начинаютъ, какъ одинъ историкъ философій мѣтко замѣтилъ, его *Wanderjahre* (годы странствованій). Отчасти вѣроятно онъ самъ не прочь былъ удалиться на время изъ города, гдѣ все напоминало ему дорогого человѣка, и гдѣ все, казалось, дышало преступленіемъ и невѣжествомъ; но главнымъ образомъ, нужно полагать, оставилъ онъ родину изъ видовъ личной безопасности. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, одной жертвой, хотя-бы то наиболѣе цѣнной, дѣло врядъ-ли могло ограничиться: аѳиняне вѣроятно стали искоса и недружелюбно поглядывать на всѣхъ тѣхъ, кто болѣе или менѣе близко стоялъ къ Сократу и считался его ученикомъ. Очень можетъ быть, что даже стали раздаваться уже голоса, взывающіе къ властямъ предержащимъ окончательно искоренить крамолу и деморализацію въ нравахъ и обез-

вредить навѣки послѣдователей злокозненныхъ ученій Сократа, пославъ ихъ вслѣдъ за ихъ учителемъ. Подобныхъ репрессалій Платонъ съ своей стороны тѣмъ скорѣе могъ опасаться, что не былъ на хорошемъ счету у демократовъ, бывшихъ тогда въ силѣ, какъ благодаря своему аристократическому происхожденію и родству съ вожаками олигархической партіи, такъ и въ виду извѣстной его личной антипатіи къ тогдашнему государственному порядку. Философъ счелъ поэтому за благоразумное не выжидать дальнѣйшихъ событій и заблаговременно удалиться, — что онъ и сдѣлалъ. Первымъ его этапомъ былъ о. Мегара, гдѣ уже подвизался съ успѣхомъ одинъ изъ самыхъ выдающихся учениковъ Сократа — Эвклидъ. Этого мыслителя неслѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, еще болѣе знаменитымъ, того-же имени, который жилъ въ Александріи приблизительно однимъ столѣтіемъ позже и далъ человѣчеству науку геометріи. Эвклидъ изъ Мегары былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей того времени по уму и характеру и такъ обожалъ Сократа, что часто, когда въѣздъ мегарійцамъ въ Аѣны, по случаю ихъ недавняго возстанія, былъ воспрещенъ подъ страхомъ смерти, онъ, несмотря ни на что, ночью, тайкомъ и переодѣвшись, пробирался въ городъ къ любимому учителю. Правовѣрнымъ ученикомъ его онъ однако не остался, но удержалъ Сократово ученіе о благѣ и, сочетавъ его съ элеатской доктриной о единомъ и вѣчномъ, основалъ отдѣльную школу мегарійцевъ, которая въ свое время имѣла не мало вліянія на греческую мысль. И для Платона, какъ это намъ показываютъ нѣкоторыя черты его философій, встрѣча съ Эвклидомъ имѣла не маловажное значеніе какъ въ смыслѣ развитія міросозерцанія, такъ даже въ дѣлѣ пріобрѣтенія и увеличенія знаній. Какъ долго онъ тамъ оставался, мы не знаемъ въ точности; вѣроятно не долго, потому что вскорѣ мы застаемъ его уже въ другомъ мѣстѣ, а именно, — въ Киренахъ. Здѣсь беретъ онъ уроки математики у знаменитаго геометра Теодора и такъ успѣваетъ въ ней, что долго послѣ того считается однимъ изъ выдающихся математиковъ своего времени. Онъ, говорятъ, первый разрѣшилъ извѣстную въ свое время задачу объ удвоеніи куба, изобрѣлъ какіе-то особенные часы и считался авторомъ теоріи коническихъ сѣченій. Нѣкоторые древніе писатели увѣряютъ даже, что званію математики Платонъ придавалъ такое значеніе, что впоследствии сдѣлалъ на воротахъ своей школы надпись, гласившую, что доступъ въ нее открытъ только для тѣхъ, кто знаетъ геометрію.

Обиліе въ нѣкоторыхъ Платоновскихъ діалогахъ иллюстрацій, взятыхъ изъ области математики, или ссылокъ на нее, равно какъ и нѣкоторыя позднѣйшія его доктрины, казалось-бы, подтверждаютъ такого рода преданія; но на бѣду, какъ намъ передаютъ другіе съ бѣльшей тѣнью правдоподобія, подобная надпись существовала уже раньше на воротахъ школы Пифагора («никто, кромѣ геометра, да не входитъ сюда»), да и въ самихъ діалогахъ Платона мы не встрѣчаемъ ни разу мысли, которая выражала-бы подобное его убѣжденіе въ преобладающемъ значеніи математическихъ знаній. Намъ приходится поэтому признать вышеупомянутое преданіе за выдумку позднѣйшей фабрикаціи, хотя мы и не можемъ отрицать сильнаго впечатлѣнія, оказаннаго на умъ Платона методомъ и истинами математики. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ вѣроятно и объясняется его поѣздка, послѣ пребыванія въ Киренахъ, въ Египетъ, гдѣ тогда, какъ и долгое время послѣ, математическія науки культивировались съ успѣхомъ и любовью.

Египетъ, какъ извѣстно, слылъ въ древности страной чудесъ. Все въ немъ поражало народное воображеніе: и могучій Нилъ, и исполненскія пирамиды, и кастовая организація, и таинственная религія, и самый языкъ, и письмо. Легендамъ объ этой странѣ не было конца: онѣ возникали и распространялись съ поразительной быстротой, и люди, какъ въ очарованіи, прислушивались къ рассказамъ о чудовищныхъ крокодилахъ, пожирающихъ свои жертвы съ кровавыми слезами на глазахъ, о гранитныхъ колоссахъ, встрѣчающихъ мелодичными звуками первые лучи восходящаго солнца, и о многомъ другомъ, столь же странномъ и необычайномъ. Путешественники съѣзжались туда со всѣхъ концовъ тогдашняго образованнаго міра и глазамъ ихъ представлялась дѣйствительность, ни сколько не ниже ихъ ожиданій. Особенно поражали ихъ чудеса, совершенныя въ этой странѣ фараоновъ науками теоретическими, а еще болѣе прикладными: астрономическія предсказанія, инженерныя сооруженія, каналы, мосты и шоссе и многое другое въ области механическихъ изобрѣтеній казалось дѣломъ рукъ не обыкновенныхъ смертныхъ, а какихъ-то чародѣевъ. Этими чародѣями являлась жреческая каста. Окруженные богатствомъ и пышностью, члены ея, дѣйствительно державшіе въ своихъ рукахъ всю ученость тогдашней цивилизаціи, умѣли обставить себя такой таинственностью и хранить про себя всѣ знанія съ такой ревливой заботливостью, что казались наивнымъ

умамъ того времени существами высшаго типа, постигшими всѣ тайны человѣческія и божескія. Къ нимъ стекались со всѣхъ сторонъ пытливыя личности, жаждущія знанія и влекомыя таинственнымъ ихъ обаяніемъ: онѣ учились у нихъ геометріи, астрономіи и механикѣ, онѣ старались проникнуть въ ихъ среду, добивались посвященія въ ихъ эзотерическія ученія и готовы были посвятить цѣлыя годы. чтобы почерпнуть хоть малую долю ихъ мудрости. Въ древней Греціи не было ни одного великаго человѣка, который бы не побывалъ въ этой удивительной странѣ: по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного, которому преданія, съ цѣлью возвеличить его мудрость еще больше, не приписывали долголѣтняго пребыванія среди египетскихъ жрецовъ. Тутъ были и Солонъ, и Пифагоръ, и Демокритъ, и Геродотъ, — тутъ былъ и Платонъ.

На всѣхъ этихъ выдающихся людей Египетъ оказалъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, но ни на комъ изъ нихъ египетскія вліянія не сказались съ меньшей силою, какъ на Платонѣ. Страбонъ, въ общемъ довольно почтительно относившійся къ фактамъ, увѣряетъ насъ, что Платонъ пробылъ въ Гелиополѣ цѣлыхъ 13 лѣтъ, и что ему даже указывали домъ, гдѣ онъ проживалъ все это время. Гиперболичность такого завѣренія слишкомъ очевидна, чтобы его можно было принять на вѣру, и дѣйствительно, по разнымъ другимъ соображеніямъ, мы никакъ не можемъ допустить, чтобы Платонъ прожилъ въ Египтѣ болѣе трехъ лѣтъ. Въ виду такого его кратковременнаго пребыванія тамъ, результаты не могли получиться особенно прочные: врядъ-ли можно допустить, чтобы за такое сравнительно ничтожное время Платонъ могъ въ достаточной степени и снискать довѣріе жрецовъ, и войти въ ихъ среду, и изучить ихъ философскія доктрины. Но еслибы даже Платонъ и успѣлъ во всемъ этомъ, то все же онъ былъ еще слишкомъ грекъ своего времени, съ нѣкоторою склонностью къ скептицизму, чтобы проникнуться восточнымъ мистицизмомъ этихъ доктринъ въ такой степени, въ какой люди проникались двумя-тремя вѣками позже. И дѣйствительно, ни въ одномъ изъ его сочиненій мы не встрѣчаемъ слѣдовъ какихъ бы то ни было египетскихъ вліяній, тѣмъ менѣе — цѣльныхъ доктринъ. Все же, что нѣсколько напоминаетъ намъ въ его философіи ученія Египта, слѣдуетъ приписать вліяніямъ другой школы, а именно пифагорейской.

Итакъ, мы вправѣ заключить, что изъ своего пребыванія въ Египтѣ Платонъ не вынесъ ничего, кромѣ развѣ усовершенство-

важныхъ знаній по астрономіи. Мы даже вправѣ усумниться, успѣлъ-ли онъ познакомиться хотя бы со внѣшнимъ бытомъ этой страны, — такъ слабы и неопредѣленны замѣчанія на этотъ счетъ, разбросанныя тамъ и сямъ въ его діалогахъ. Правда, въ своей «Республикѣ» онъ говоритъ о строгомъ разграниченіи общественнаго труда, обязанностей и правъ, и о соотвѣтствующемъ строгомъ подраздѣленіи народа на сословія; но онъ тутъ же лишаетъ послѣднихъ характера кастъ, ставя принадлежность къ тому или другому изъ нихъ въ зависимость не отъ рожденія, а отъ способностей и наклонностей.

Короткій періодъ его жизни, непосредственно слѣдовавшій за его поѣздкою въ Египетъ, остался для насъ темнымъ и невыясненнымъ. Одни преданія переносятъ его въ Малую Азію, въ Персію, и затѣмъ даже въ Индію, гдѣ онъ будто бы изучаетъ премудрость Зороастра и Будды, халдеевъ и браминовъ; но все это, понятное дѣло, относится къ области мифовъ, которыхъ, какъ мы уже имѣли на то примѣры, собралось такъ много вокругъ фигуры нашего философа. Другія же съ большимъ правдоподобіемъ говорятъ, что незадолго до 40-го года своей жизни онъ наконецъ вернулся въ Грецію и послѣ 13-ти-лѣтняго отсутствія вновь посѣтилъ свои родныя Аѣины. Если это такъ, то странный психическій моментъ долженъ былъ тогда пережить Платонъ, уѣхавшій почти юношей и вернувшійся назадъ зрѣлымъ мужемъ, умудреннымъ опытомъ, съ пробивающеюся уже тамъ и здѣсь сѣдиною въ волосахъ! Все было знакомо и вмѣстѣ съ тѣмъ чуждо; давно забытыя картины представляли передъ его взорами, но онъ тщетно искалъ бы среди нихъ друзей своей юности, а главное, — того дорогого лица, чьимъ словамъ онъ нѣкогда такъ жадно внималъ. Быть можетъ, именно этого рода воспоминанія не дали ему успокоиться, потому что уже вскорѣ послѣ того, около 388 года, мы застаемъ его въ Великой Греціи, гдѣ тогда ютились эмигрировавшіе со всѣхъ сторонъ пифагорейцы.

Эта философская школа была одна изъ самыхъ вліятельныхъ и самыхъ оригинальныхъ школъ древности. Основанная знаменитымъ математикомъ Пифагоромъ (кто изъ нашего учащагося юношества не знаетъ и, въ девяти случаяхъ изъ десяти, не клянетъ его имени?) въ періодъ, предшествовавшій Сократу, эта школа процвѣтала вплоть до распространенія христіанскаго міросозерцанія, соперничая и часто превосходя во вліяніи философію самого Плато-

на. Въ эпоху римской имперіи, она сыграла большую роль въ смыслѣ подготовленія умовъ къ воспріятію ученія Великаго Галилеянина, но и въ самой Греціи ея вліяніе на развитіе мысли было огромно. Особенно рѣшающее значеніе она имѣла для Платона, — а потому намъ необходимо сказать пару словъ относительно этой замѣчательной философской системы.

Въ основѣ ея лежитъ ученіе о числахъ, какъ о сущностяхъ вещей. Весь видимый міръ есть не что иное, какъ воплощеніе этихъ чиселъ. и всѣ отношенія чувственныхъ предметовъ между собою суть въ дѣйствительности не что иное, какъ отношенія заключенныхъ въ нихъ чиселъ. Вселенная безконечна въ пространствѣ и времени, и ею правитъ единое божество, столь же вѣчное и безпредѣльное, какъ и самый міръ. Вездѣ царствуетъ та гармонія, которую мы находимъ въ музыкѣ, и даже небесныя сферы находятся одна отъ другой на такихъ интервалахъ, соотвѣтствующихъ музыкальнымъ — октавѣ, терціи, квартѣ и др., — что при вращеніи онѣ издають божественно гармоничную мелодію. Земля — и это провозглашено было за 20 вѣковъ до Коперника! — движется вокругъ своей оси и вокругъ солнца, такъ что послѣднее составляетъ центръ всей планетной системы, вокругъ него обращающейся. Сама душа есть живая гармонія, приводящая въ движеніе тѣло — ея темницу. Она бессмертна и за время своего земного существованія проходитъ черезъ рядъ тѣлъ — то высшее, то низшее, то благородное, то презрѣнное — смотря по тому, на сколько она добродѣтельна. Отсюда необходимость безупречной жизни. Человѣкъ въ сущности есть душа: тѣло лишь оболочка, которую слѣдуетъ подчинить интересамъ ея обитательницы; отсюда значеніе аскетизма, какъ средства сохранить душу въ надлежащемъ состояніи. Пифагорейцы жили всегда обособленными обществами, гдѣ царствовалъ полный коммунизмъ. Новые члены допускались не иначе, какъ послѣ тяжелыхъ испытаній и искусовъ, и обязаны были безпрекословно повиноваться старшимъ. На всемъ лежалъ глубокій мистически-правственный отпечатокъ, какой въ прошломъ столѣтіи носили масонскія ложи. Вездѣ царила суровая дисциплина, мясная пища была воспрещена, а ежедневная исповѣдь вмѣстѣ съ посвященіемъ въ таинства эзотерическихъ ученій дѣлали изъ этой школы чрезвычайно своеобразную секту.

Знакомство со всѣмъ этимъ имѣло, какъ мы выше сказали, первостепенное значеніе для выясненія Платономъ его собствен-

наго міросозерцанія, и несомнѣнно, что безъ этого знакомства содержаніе платоновской философіи было-бы во многихъ отношеніяхъ другое, чѣмъ то, какое знаетъ исторія. Правда, къ этому времени мысль Платона уже стала слагаться въ опредѣленныя формы, и, быть можетъ, въ кругу своихъ близкихъ знакомыхъ онъ уже успѣлъ пріобрѣсти репутацію сильнаго и даже оригинальнаго мыслителя; но только послѣ посѣщенія имъ пифагорейскихъ общинъ можемъ мы сказать, что основныя положенія его будущей системы были окончательно заложены и въ общемъ систематизированы. Ученіе пифагорейцевъ о числахъ должно было если не прямо натолкнуть, то, во всякомъ случаѣ, косвенно содѣйствовать развитію ученія Платона объ идеяхъ, какъ о реальныхъ сущностяхъ видимыхъ и невидимыхъ предметовъ познаванія: и тѣ, и другія, т. е. и числа, и идеи, были абсолютными первообразами вещей съ той лишь разницей, что количественный характеръ первыхъ былъ значительно уже качественной природы вторыхъ. Еще болѣе бросается въ глаза сходство—по временамъ доходящее до тождества—нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ обѣихъ системъ: ученія о космосѣ, о всеобщей гармоніи, о душѣ и даже о переселеніи ея до того аналогичны, что враги Платона, на основаніи этого, обвиняли его въ плагіатѣ у знаменитаго пифагорейца Филолая. Даже общественная организація пифагорейцевъ съ ея коммунистическими принципами и аристократическими тенденціями не осталась безъ вліянія на политическіе идеалы Платона, какъ они выразились въ его «Республикѣ».

Все это, въ совокупности взятое, даетъ намъ полное основаніе думать, что, послѣ собственнаго генія, наибольшую роль въ развитіи платоновской мысли сыграла философія Пифагора: даже сократовская, не смотря на ея первоклассное значеніе для Платона, уступаетъ ей въ этомъ, не говоря уже о другихъ школахъ того времени.

Изъ Южной Италіи (Великой Греціи) Платонъ поѣхалъ на сосѣдній островъ Сицилію, и здѣсь начинаются тѣ странныя, почти романтическія его приключенія, которыя, если только они достовѣрны, въ высшей степени любопытны въ смыслѣ освѣщенія какъ личности нашего философа, такъ и всей тогдашней эпохи. Говоримъ: если только они достовѣрны, потому что главнымъ авторитетомъ для нихъ является Плутархъ, въ свою очередь основывавшійся на одномъ изъ Платоновыхъ писемъ, подлинность котораго въ

настоящее время признана сомнительной. Мы поэтому не въ состояніи ручаться за достовѣрность нижеслѣдующаго, но къ нему можно смѣло примѣнить извѣстную пословицу: *se non é vero, é ben trovato* (если это и не вѣрно, то хорошо придумано).

Въ Сиракузахъ, главномъ городѣ Сициліи, правилъ тогда извѣстный тиранъ Діонисій Старшій — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей древности и во многихъ отношеніяхъ похожій на нашего Іоанна Грознаго. Энергичный, суровый, честолюбивый, съ выдающимися способностями, онъ съумѣлъ захватить верховную власть, опрокинуть демократическую конституцію и основать могущественнѣйшее государство на берегахъ и островахъ Средиземнаго моря. Онъ успѣшно боролся съ Карфагеномъ и Афинами, объединилъ подъ свою власть большую часть Сициліи и поставилъ въ зависимость отъ себя все южное побережье Аппенинскаго полуострова. Діонисій лишилъ народъ даже тѣни его прежней свободы, обложилъ его тяжелыми податями и налогами, но успѣлъ основать обширную морскую торговлю, привлекавшую громадные богатства въ его собственные сундуки и сундуки тогдашней коммерческой буржуазіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далеко не былъ варваромъ и выскочкою. Благодаря своему аристократическому происхожденію, Діонисій еще въ дѣтствѣ пріобрѣлъ обширныя знанія, а теперь, на высотѣ своей власти, охотно культивировалъ науки и искусства, строилъ блестящіе храмы и другія общественныя зданія, привлекалъ къ себѣ знаменитостей въ философіи и литературѣ и даже самъ не безуспѣшно выступалъ въ качествѣ автора. Черезъ общихъ пиагсрейскихъ знакомыхъ онъ пригласилъ къ себѣ и Платона, который тѣмъ охотнѣе принялъ приглашеніе, что имѣлъ при сиракузскомъ дворѣ юнаго, но восторженнаго поклонника въ лицѣ Діона, шурина тирана. Этотъ — тогда еще врядъ-ли 20-ти лѣтъ отъ роду — молодой человѣкъ, котораго Плутархъ счелъ достойнымъ включить въ свою галерею знаменитыхъ личностей, дѣйствительно выгодно выдавался среди придворныхъ умомъ, характеромъ и возвышенными стремленіями. Платонъ сильно понадѣялся на его вліяніе въ качествѣ любимца Діонисія и счелъ для себя приличнымъ долгомъ вмѣшаться въ государственныя дѣла и критиковать внутреннюю политику тирана. Естественно, что послѣднему непрощенные совѣты и замѣчанія Платона были не по вкусу, и когда глубоко увѣренный въ правотѣ своихъ убѣжденій философъ принялся горячо доказывать

ему, что единоличное правленіе по нормально и идетъ въ разрѣзъ съ требованіями народнаго блага, и что поэтому, если онъ, Діонисій, дѣйствительно печется о благосостояніи страны, то онъ долженъ ограничить свою власть. Діонисій разсвирѣпѣлъ. Онъ хотѣлъ немедленно, тутъ-же, расправиться съ нимъ по-свойски, но былъ удержанъ Діономъ. Тогда тиранъ передалъ злополучнаго философа на руки спартацкому послу Поллиду, отплывавшему изъ Сиракузъ, наказавъ ему строго-на-строго какъ нибудь сировадить назойливаго мудреца. Нравы, какъ читатель видитъ, довольно-таки оригинальные, и этимъ плачевнымъ инцидентомъ, быть можетъ, и закончилась-бы какъ философская, такъ и сама жизненная карьера Платона, еслибы Поллидъ не смиростивился и не продалъ его въ рабство на о. Эгинъ. Здѣсь яѣкій Аннице-ридъ, самъ причастный къ философіи, выкупилъ его за 30 минъ и отпустилъ на всѣ четыре стороны. Говорятъ, что Діонисій не угомонился и выпустилъ противъ Платона псаквилъ; но другіе утверждаютъ, что, напротивъ, онъ глубоко раскаялся въ своемъ поступкѣ и даже написалъ философу извинительное письмо, на которое послѣдній только и отвѣтилъ, что онъ слишкомъ занятъ, чтобы думать о какихъ-то Діонисіяхъ.

Это происходило около 367 г. Спустя ровно 20 лѣтъ Платону, тогда уже старцу, пришлось вторично ѣздить въ Сиракузы. Преній тиранъ только-что умеръ, и на престолъ вступилъ его сынъ Діонисій Младшій, — во всемъ почти прямая противоположность отцу. Лѣнивый и неспособный, онъ къ тому еще получилъ поверхностное воспитаніе, которое никогда не думалъ пополнять. Новый тиранъ предпочиталъ худой миръ доброй ссорѣ, и не смотря на то, что города, крѣпко сплоченные подъ желѣзной рукою отца, стали отпадать одинъ за другимъ, онъ весьма неохотно предпринималъ мѣры противъ угрожавшей ему опасности, предпочитая утопать въ развратѣ и наслажденіяхъ огромнаго и пышнаго двора. Въ первые годы однако надъ нимъ имѣлъ большое и благотѣльное вліяніе все тотъ же Діонъ, и это обстоятельство побудило Платона предпринять вторую поѣздку въ негостепріимную столицу Сициліи. Дѣло въ томъ, что онъ уже тогда лелѣялъ проектъ совершеннаго политическаго строя, и здѣсь, въ положеніи молодого и поддающагося вліяніямъ тирана Сиракузскаго, думалъ онъ найти возможность осуществить свой проектъ. Но онъ ошибся въ расчетѣ, забывъ, что вліянія могутъ быть разныя, и что Діонисій, въ данный мо-

ментъ прислушивающійся къ строгимъ нотаціямъ Діона, можетъ въ другой моментъ еще внимательнѣе прислушиваться къ рѣчамъ иного рода, идущимъ болѣе въ унисонъ съ его собственными желаніями и инстинктами. Такъ оно и было. Попытавшись уговорить Діонисія самому взяться за дѣло и перестроить политическую организацію Сиракузъ на Платоновскій ладъ, философъ сразу увидѣлъ, что добивается невозможнаго: никто самъ себѣ не врагъ, — тѣмъ менѣе государь, поставленный въ такія выгодныя условія, какъ Діонисій. Къ тому же тиранъ былъ не одинъ, а вокругъ него стояла, какъ всегда бываетъ, обширная камарилья, для которой всякій другой образъ правленія — будь то правленіе философовъ, или другое какое — означалъ если не вѣрную гибель, то во всякомъ случаѣ несомнѣнный уронъ для кармановъ. Естественно, что Платонъ получилъ отпоръ, и когда, какъ говорятъ, онъ пошелъ на уступки и попросилъ у Діонисія хотя бы клочка земли и немного людей, чтобы устроить опытъ въ видѣ колоніи, то и тутъ не встрѣтилъ ничего другого кромѣ враждебныхъ насмѣшекъ и угрозъ. Онъ счелъ поэтому за благоразумное уѣхать, и Діонъ, который считался виновникомъ его пріѣзда и поддерживалъ его во всемъ, былъ обвиненъ въ честолюбивыхъ замыслахъ — въ посягательствахъ на тронъ — и изгнанъ.

Такимъ образомъ Платонъ вторично потерпѣлъ фіаско. Но и этого, очевидно, было мало для коварной судьбы: Платону суждено было встрѣтить неудачу на томъ же полѣ и въ третій разъ.

Въ 361 г., т. е. 6 лѣтъ спустя послѣ вышерассказаннаго, философъ, движимый рыцарскимъ чувствомъ и искреннимъ расположеніемъ къ Діону, рѣшился на попытку примирить его съ Діонисіемъ. Сгорбленный подъ тяжестью лѣтъ, Платонъ въ третій разъ пускается въ море и ѣдетъ въ Сиракузы на объясненія съ тираномъ, но, увы! его опять постигаетъ неудача, — на этотъ разъ еще болѣе полная, нежели прежде. Молодой правитель успѣлъ за это время вырасти въ большого деспота, не терпящаго никакихъ вмѣшательствъ ни въ общественныя, ни въ его личныя дѣла. Онъ такъ раздраженъ былъ дерзостью Платона, что послѣдній едва опять не поплатился жизнью; но и на этотъ разъ его спасъ пифагореецъ-философъ Архитъ, который заступился за него и смягчилъ гнѣвъ тирана. Платонъ вернулся въ Аѣины и съ тѣхъ поръ больше не ѣздилъ въ Сиракузы. Діонъ же такъ и остался непримиреннымъ съ Діонисіемъ и позднѣе, въ 358 г., высадившись въ Сици-

ли во главѣ арміи своихъ приверженцевъ, прогналъ тирана и самъ сѣлъ на его мѣсто. Сочувствовалъ-ли Платонъ этой экспедиціи своего ученика и друга и радовался-ли онъ счастливому ея исходу, мы не знаемъ: вѣроятно — да; но если онъ мечталъ видѣть свои политическіе идеалы теперь, послѣ столькихъ неудачъ, наконецъ реализованными, то ему пришлось испить чашу разочарованія до конца. Не то, чтобы Діонъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ и сжегъ все, чему поклонялся во дни своей юности и оппозиціи; о, нѣтъ! до этого, слава Богу, дѣло не дошло; онъ лишь извѣрился въ своевременности и осуществимости ихъ, и считалъ, подобно нашей Екатеринѣ II, что конституціи хорошо чертить на бумагѣ, но никакъ не на шкурахъ живыхъ людей. Уловка была недостойная и должна была впести не мало горечи въ сердца людей, поддерживавшихъ его, а особенно Платона. Діонъ былъ убитъ спустя пять лѣтъ послѣ своего воцаренія однимъ изъ своихъ приближенныхъ, и среди послѣдовавшихъ смутъ Діонисию удалось вернуться и снова занять свой престолъ.

Но Платонъ уже не дожилъ до этого. Въ тиши своей школы онъ прожилъ послѣднія 14 лѣтъ своей жизни, спокойно и безмятежно занимаясь разработкой своей философіи. Мы ничего не знаемъ, чтò происходило за эти долгіе годы: вѣроятно они не блистали событіями, какъ это естественно ожидать отъ жизни всякаго человѣка его лѣтъ и занятій. Онъ умеръ въ глубокой старости, 80-ти лѣтъ отъ роду, въ 347 г. до Р. Хр., и былъ похороненъ въ Керамикѣ, неподалеку отъ Академіи, гдѣ еще долго спустя показывали его гробницу.

Читатель теперь видитъ, какъ скудны наши свѣдѣнія о судьбахъ этого замѣчательнаго человѣка; но если мы обратимся теперь къ его личности, то и здѣсь встрѣтимъ не меньшую сбивчивость и неполноту. Прежде всего о его наружности. Наши музеи полны его бюстами и масками, по чѣмъ ближе мы ихъ изучаемъ, тѣмъ менѣе мы довѣряемъ имъ. Ни одинъ изъ портретовъ его, дошедшихъ до насъ, не вышелъ изъ-подъ рѣзца современника: всѣ они сдѣланы значительно позднѣе, и служилъ-ли имъ моделью какой-нибудь достовѣрный бюстъ Платона, или рукою художниковъ водило одно лишь воображеніе, — у насъ нѣтъ теперь никакой возможности рѣшить. Всѣ эти портреты рознятся одинъ отъ другого довольно значительно, и очень часто взаимное ихъ несходство доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Существуетъ однако

одинъ бюстъ, который принято считать наиболѣе достовѣрнымъ, и съ него-то сдѣланы всѣ снимки и слѣпки, продающіеся въ нашихъ магазинахъ. Платонъ изображенъ въ немъ зрѣлымъ мужемъ, съ большою, слегка наклоненной впередъ, головой, украшенной длинной бородой и густыми, охватываемыми повязкой, волосами. Его лицо съ крупными, но чрезвычайно изящными чертами, носить задумчивое выраженіе; его глаза, устремленные куда-то внизъ, чуть-чуть прищурены, какъ бы пристально вглядываясь въ несущіеся передъ ихъ взоромъ туманные образы, а его чело, полускрытое повязкой, изборождено у переносицы глубокими складками, въ которыхъ, такъ и видно, застыла крѣпкая дума. Весь бюстъ могъ бы служить эмблемою мысли, благородной и всеобъемлющей; на немъ лежитъ отпечатокъ чего-то недосыгаемо высокаго, чуть-ли не сверхчеловѣческаго, и при первомъ же взглядѣ на него у васъ вырывается восклицаніе, что именно такъ долженъ былъ выглядѣть этотъ «божественный философъ». Увы, это только показываетъ, какъ хорошо умѣлъ художникъ схватить и воплотить въ мраморъ всѣ тѣ черты, подъ которыми обрисовывается въ нашемъ представленіи Платонъ; но, какъ мы сказали, мы рѣшительно не въ состояніи опредѣлить, въ какой степени этотъ бюстъ достовѣренъ; быть можетъ, Платонъ въ немъ лишь идеализированъ, но, быть можетъ, такого Платона не было вовсе.

Не лучше обстоитъ съ нашими свѣдѣніями о его характерѣ. Платонъ имѣлъ много враговъ, какъ политическихъ и философскихъ, такъ и личныхъ. Клеветамъ поэтому не было конца. Его обвиняли въ надменности, завистливости и непомѣрномъ честолюбіи: циникъ Діогенъ говаривалъ, что въ самомъ желаніи Платона не казаться гордымъ скрывается страшная гордость, а пылкій Аполлodorъ, въ порывѣ ненависти, воскликнулъ однажды, что онъ съ бѣльшей готовностью принялъ-бы отъ Сократа чашу съ ядомъ, нежели изъ рукъ Платона кубокъ вина. Ему приписывали крайнюю неуживчивость, раздражительность и ревность къ чужой славѣ, и его представляли позднѣйшія преданія ссорящимся съ Ксенофонтomъ, Аристиппомъ, Аристотелемъ, и даже бросающимъ грязью въ память самого Сократа. Его поведеніе, дальше, выставляли какъ прямую противоположность тому, чему онъ училъ въ своей этикѣ. и къ Діонисію, говорили, онъ ѣздилъ потому, что слыхалъ много хорошаго... о сиракузской кухнѣ! Ему отказывали даже въ талантѣ и оригинальности, говоря, что большинство его діалоговъ написаны

были вовсе не имъ, а Антисфеномъ, Аристиппомъ и другими философами того времени, и что «Тимей», одно изъ главныхъ его сочиненій, представляетъ не что иное, какъ пересказъ одной пифагорейской книги, приобрѣтенной имъ за баснословную цѣну въ 100 минъ! Ему наконецъ отказывали даже въ томъ, что составляло, по тогдашнимъ понятіямъ, неотъемлемую принадлежность всякаго свободного человѣка,—а именно, независимость въ матеріальномъ отношеніи: поговаривали, что онъ былъ бѣденъ, нуждался и долженъ былъ для снисканія себѣ пропитанія торговать оливковымъ масломъ. Онъ даже собирался будто-бы наняться въ солдаты.

На все это, безъ сомнѣнія, намъ приходится смотрѣть, какъ на выдумки. Мы знаемъ очень хорошо, что, за исключеніемъ быть можетъ нѣкоторой размолвки съ Аристотелемъ, Платонъ довольно легко уживался со всѣми наиболее выдающимися изъ своихъ современниковъ; что онъ ѣздилъ къ Діонисію вовсе не за тѣмъ, чтобы пріятно поѣсть и попить; что онъ дѣйствительно обладалъ талантомъ—не говоря уже о геніи—въ достаточной степени, чтобы написать самому свои діалоги, и что онъ наконецъ довольно хорошо былъ обезпеченъ въ матеріальныхъ средствахъ—наслѣдствомъ и подарками,—чтобы не быть вынужденнымъ сдѣлаться торговцемъ или солдатомъ. При всемъ томъ нѣтъ дыма безъ огня, и какъ бы преувеличены ни были дурные слухи о немъ, мы не можемъ совершенно игнорировать ихъ. Мы знаемъ Платона главнымъ образомъ изъ его-же сочиненій, и въ силу весьма обычнаго и естественнаго заблужденія никакъ не можемъ допустить, чтобы человѣкъ, написавшій эти вещи, полныя воображенія, теплоты чувства и всякой красоты внѣшней и внутренней, былъ менѣе прекрасенъ, нежели его творенія. Конечно это ошибочно, и мы знаемъ много тому примѣровъ, когда за поэтическими страницами или вдохновенными произведеніями искусства скрывается личность творца ихъ, столь-же прозаическая и не интересная, какъ и простыхъ смертныхъ. Два обстоятельства однако способствовали болѣе, нежели всякіе личные его недостатки, къ нравственному умаленію Платона въ глазахъ современниковъ,—и на нихъ намъ слѣдуетъ остановиться.

Сократъ былъ еще живъ въ памяти людей. Многіе, а особенно бывшіе ученики его, еще отчетливо помнили эту странную фигуру, гдѣ подъ отталкивающей внѣшностью Силена скрывалась такая чуткая, нервная и нѣжная натура. Нищій, оборванный, но

богатый духомъ и бодрый, шатался онъ по открытымъ мѣстамъ города, всѣмъ доступный, ко всѣмъ относящійся съ отеческой ласковостью, вступая въ разговоры съ первымъ попавшимся ему на пути человекомъ, и въ свою очередь охотно отвѣчая на задаваемые ему вопросы. Онъ не гнушался и не чуждался никого, какое-бы положеніе въ обществѣ тотъ ни занималъ; онъ никогда не заносился ни передъ противниками, ни передъ учениками, но, напротивъ, старался всегда стать съ ними на одну доску, чуждый высокомерія, догматизма или резонерства. Онъ никогда не поучалъ, не разыгрывалъ изъ себя мудреца, но съ страстной настойчивостью искалъ истины, готовый признать ее, изъ чьихъ бы устъ она ни исходила. Шутливый и простой въ обращеніи, онъ былъ плебей по рѣчамъ и пріемамъ, но умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ ревниво ограждать свою гордую независимость, не беря денегъ ни отъ кого и отказываясь даже отъ подарковъ.

Не таковъ былъ Платонъ. Изящный и щегольски одѣтый, онъ поражалъ аристократичностью своихъ манеръ и умѣлъ держать себя на почтительномъ разстояніи отъ всѣхъ. Духъ высокій, но холодный, какъ горная вершина, онъ не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ избранныхъ, — да и съ тѣми не раздѣлялъ ни своихъ завѣтныхъ думъ, ни своихъ затаенныхъ чувствъ. Онъ счелъ-бы для себя униженіемъ и позоромъ выйти на площадь или улицу и диспутировать тамъ съ кожевникомъ или плотникомъ. Онъ замыкался въ свою школу, какъ замыкался въ своемъ сердцѣ, и только молодые люди хорошаго происхожденія и воспитанія имѣли туда доступъ въ качествѣ учениковъ. То были все прекрасно одѣтые, гладко причесанные, надушенные и на помаженные юные аристократы съ салонными манерами, джентльменской поступью и рѣчью. Платонъ не любилъ противорѣчій и не терпѣлъ панибратства; тонъ его рѣчей былъ внушительный и серьезный, ни озаряясь улыбкой, ни прорываясь страстью. Онъ не бралъ платы за ученіе, но онъ безъ упрямства и съ достоинствомъ принималъ подарки отъ учениковъ и постороннихъ людей.

Сравненіе, гласитъ пословица, завистливо, и когда люди ставили рядомъ эти двѣ фигуры — Сократа и Платона, — они не могли не замѣчать, какъ далеко въ сторону отклонился ученикъ отъ завѣтовъ учителя. Мантию знаменитаго предшественника носить никогда не легко: она всегда оттягиваетъ плечи; но когда преемникъ дѣйствительно въ томъ или другомъ отношеніи оказывается

ниже своего предшественника, мантия волочится по землѣ, несущій ее запутывается въ складкахъ, и окружающіе то смѣются, то негодуютъ. Платонъ въ умственномъ отношеніи вполнѣ сравнился со своимъ учителемъ, но нравственностью далеко не былъ ему равенъ; что же удивительнаго, что, помѣщенный рядомъ съ солнцемъ, онъ, хотъ и самъ звѣзда не послѣдней величины, со всѣмъ лишился блеска въ глазахъ современниковъ?

Политическія разногласія также внесли свою долю — и даже крупную — въ личную непопулярность Платона. Афинское общество — если упустить на время изъ вниманія институтъ рабства, на которомъ оно зиждилось, — было насквозь проникнуто сильнымъ демократическимъ духомъ, которому всякаго рода аристократизмъ — на дѣлѣ-ли, или на словахъ и въ манерахъ — былъ ненавистенъ. Оно первое въ ряду всѣхъ европейскихъ обществъ выработало типъ демократической конституціи, какого не удалось достигнуть впоследствии ни одному изъ другихъ государствъ древняго и новаго міра; оно естественно дорожило имъ и ревниво оберегало его честь и неприкосновенность. Платонъ-же, какъ сказано выше, по рожденію, традиціямъ, связямъ и личнымъ симпатіямъ, былъ аристократомъ до мозга костей. Онъ принадлежалъ къ тому классу поземельныхъ собственниковъ Аттики, которые оставались неизмѣнными друзьями Спарты и готовы были пожертвовать всѣмъ великимъ прошлымъ, протекшимъ со времени Солона, лишь-бы вернуть то время, когда власть принадлежала имъ. Они были ярыми врагами демократіи — этого режима «кожевниковъ и плотниковъ», и безпрестанно интриговали — явно и тайно — съ цѣлью ниспровергнуть народное правленіе и замѣнить его олигархическимъ. Платонъ, тогда еще молодой юноша, одинъ изъ первыхъ рукоплескалъ водворенію пресловутыхъ тридцати тирановъ, пріобрѣвшихъ такую позорную репутацію въ лѣтописяхъ Афинъ и всей исторіи. Но въ немъ еще живы были человѣческія чувства, да онъ еще и политикомъ настолько не былъ, чтобы во имя принципа закрыть глаза на средства, употреблявшіяся для его реализаціи. Свирѣпая и безпощадная жестокость, съ какою тираны, — а во главѣ ихъ стояли Платоновы-же родственники, Критій и Хармидъ, — принялись за искорененіе демократической «крамолы» и водвореніе «спокойствія и порядка», сильно оттолкнула впечатлительнаго юношу; когда же они попытались наложить руку на самого Сократа, Платонъ съ болью въ сердцѣ принужденъ былъ совершенно отвернуться отъ

нихъ. Его идолы пали и разбились въ дребезги, но съ народомъ это его не примирило. Напротивъ, если лучшіе, наиболѣе образованные и благоразумные люди, какими, въ мнѣніи Платона, были олигархи, оказались ниже возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, то что можно ожидать отъ невѣжественной толпы, не руководимой ни политическими, ни внѣшними идеалами? Олигархи лишь пытались зажать Сократу ротъ, но демократы его убили: что-жъ послѣднее лучше? Какъ-бы ни была дурна олигархія, какъ форма правленія, демократія ничуть не лучше ея, и человѣку, дорожащему своей нравственной чистоплотностью и независимостью, не остается ничего другого, какъ сторовиться и тѣхъ, и другихъ. Пусть-же онъ совсѣмъ откажется отъ общественной дѣятельности и выжидаетъ время, когда выработаются лучшіе элементы, изъ которыхъ возможно будетъ создать новый, высшій классъ правителей. Пока-же было-бы смѣшно ожидать чего-нибудь отъ народа, какъ таковаго: его слѣдуетъ всегда держать въ черномъ тѣлѣ, подъ крѣпкой возжей, дабы не развернулись его стихійныя страсти и звѣрскіе аппетиты. И именно съ этой точки зрѣнія дѣятельность какого-нибудь Перикла является въ высшей степени пагубной: этотъ человѣкъ во имя ложнаго идеала сдѣлалъ сюзереномъ это многоголовое чудовище—народъ, снявъ съ него спасительныя узды и возведши его дикіе капризы въ законъ.

Такъ рассуждалъ Платонъ,—и общественное мнѣніе осудило его. Былъ-ли онъ правъ или нѣтъ,—здѣсь не мѣсто рѣшать; но мы безъ труда можемъ понять, какіе злобные нападки должны были вызвать подобнаго рода политическія и общественныя убѣжденія. Теоретическія разногласія рѣдко переходятъ на личную почву, но когда они касаются господствующаго міросозерцанія—политическаго или религіознаго—диссидентъ становится врагомъ общества и еретикомъ, подлежащимъ искорененію. Тенденціи эпохи (свободная жизнь Эллады уже близилась къ концу) и собственная слава Платона ограждала его личную безопасность отъ всякаго покушенія на нее,—но добраго имени его онъ не спасъ.

Есть однако и другая сторона медали. На ряду съ клеветами до насъ дошли многочисленные факты, показывающіе, что еще больше, нежели ненависть, онъ сумѣлъ внушить своимъ современникамъ удивленіе и поклоненіе. Его духовная мощь поражала воображеніе людей съ неотразимой силой, и вмѣстѣ съ Пизагоромъ и Александромъ Великимъ его личность, хотя принадлежав-

шая къ историческому періоду Греціи, стала любимѣйшимъ центромъ народныхъ сказаній. Онъ выросталъ въ глазахъ массы до чудовищныхъ размѣровъ — точь-въ-точь какъ исполинская гора въ часъ вечернихъ сумерокъ, и подобно національнымъ героямъ-полубогамъ, вродѣ Геркулеса и Тезея, окружался ореоломъ какого-то миѳическаго существа. Легенды возводили его генеалогію къ самому Олимпу и съ таинственной важностью увѣряли, что **Х**отцомъ его былъ самъ Аполлонъ, богъ свѣта и поэзіи. Правда, Периктіона была замужемъ за Аристономъ, но прекрасный богъ имѣлъ съ нею сожителство еще раньше, когда она была дѣвственницей, и въ день свадьбы явился ея мужу, наказывая ему не касаться жены втеченіе всѣхъ послѣдующихъ 10 мѣсяцевъ, пока не родится отъ нея его собственный сынъ — Платонъ. Самый день рожденія философа легенды приурочили къ тому дню, когда, по преданію, родился и Аполлонъ, и онѣ дальше передаютъ намъ чудеса, которыми это событіе ознаменовалось. Родители Платона рѣшили посвятить его Аполлону, Музамъ и Пану, и когда, при торжественныхъ жертвоприношеніяхъ, они произносили надлежащій обѣтъ, пчелы съ сосѣдняго Гимета слетались къ колыбели младенца и клали медъ на его уста. Отсюда-де сладость его рѣчей, когда онъ выросъ! Столь-же прелестнымъ миѳомъ украшена и первая встрѣча Платона со своимъ великимъ учителемъ: однажды Сократу приснилось, что къ нему прилетѣлъ прекрасный лебедь — священная птица Аполлона — и, покормившись изъ его рукъ, вновь улетѣлъ въ небеса, издавая дивную мелодію. Какъ разъ на завтра братъ Платона, Главконъ, привелъ его къ Сократу, и послѣдній тогда понялъ смыслъ своего чуднаго сна. Самой наконецъ смерти философа старались придать какой-то особенный, мистическій характеръ: онъ умираетъ то на брачномъ пиру, то во снѣ, и не на 80-мъ году своей жизни, а на 81-мъ, — такъ какъ число 81 представляетъ квадратъ 9-ти — числа музъ!

Сами по себѣ конечно подобные рассказы могутъ интересовать лишь дѣтей младшаго возраста; но они и для насъ тѣмъ не менѣе любопытны, какъ указаніе на то, какъ рано въ мнѣніи людей Платонъ сталъ «божественнымъ» философомъ. Слава его распространилась по всѣмъ угламъ тогдашняго цивилизованнаго міра; къ нему стекались со всѣхъ концовъ Греціи ученики и поклонники; выдающіеся государи, вродѣ Діонисія Сиракузскаго и Пердикка Македонскаго, обращались къ нему за совѣтами и ис-

кали его дружбы, и говорятъ даже, что ѳивяне и аркадцы обратились къ нему съ просьбой составить имъ проектъ государственнаго уложенія. Онъ былъ предметомъ всеобщаго уваженія, и когда въ 360-мъ г., какъ передаютъ нѣкоторые писатели, философъ явился на Олимпійскія празднества, народъ разступался передъ нимъ, какъ передъ національнымъ героемъ; всѣ взоры обратились къ нему, на него указывали пальцами — и атлеты на мигъ были забыты.

Таковъ былъ этотъ замѣчательный человекъ. Мы не въ состояніи среди всей массы противорѣчивыхъ свидѣтельствъ произнести надъ его нравственнымъ характеромъ рѣшительнаго и окончательнаго приговора. Онъ не внушалъ любви, но онъ импонировалъ своимъ дивнымъ геніемъ, и мы можемъ лишь повторить съ Льюисомъ, что, не имѣя друзей, онъ однако имѣлъ горячихъ поклонниковъ.

Обратимся теперь къ его дѣятельности. Когда она собственно началась, намъ, какъ и по многимъ другимъ пунктамъ, въ точности неизвѣстно, но вѣроятно около того времени, когда онъ послѣ злополучной своей первой поѣздки въ Сицилію вернулся въ Аѳины, т. е. около 386 года. Именно тогда основана была его школа, впоследствии пріобрѣвшая всемірную извѣстность: то была знаменитая Академія—нынѣ обиходное слово, — названная такъ по сосѣдней рощѣ, посвященной древнему герою Гекадему. Она находилась неподалеку отъ Аѳинъ, по дорогѣ въ Элевзинъ, и была выстроена на землѣ, пріобрѣтенной учениками Платона, послѣ того какъ Анницеридъ, выкупившій философа, рѣшительно отказался отъ какого-бы то ни было вознагражденія за понесенные убытки. Это мѣсто стало священной Меккою для образованныхъ людей древности, и еще долго — цѣлые вѣка — послѣ смерти Платона сюда стекались греки, римляне и варвары, чтобы поучиться у даровитыхъ его преемниковъ и прислушаться къ шелесту крыльевъ витающаго здѣсь генія. Платонъ, какъ извѣстно, никогда не былъ женатъ и не оставилъ послѣ себя прямыхъ наслѣдниковъ: Академія поэтому осталась какъ-бы корпоративной собственностью всей школы, а въ частности того философа, который въ данное время стоялъ во главѣ ея. Таковы были напримѣръ Спевзинъ, Ксенократъ и др., на которыхъ преемственно падала мантия Платона. Каждый годъ, въ день его кончины, тамъ совершались жертвоприношенія и возліянія, какъ-бы въ честь божества, и ученики, увѣнчанные цвѣтами, отправлялись къ дорогой гробницѣ на поклоненіе.

Въ своемъ преподаваніи Платонъ въ общемъ придерживался того метода, которымъ съ такими блестящими результатами пользовался Сократъ. За немногими исключеніями, когда ему приходилось давать связную лекцію по какому-нибудь вопросу, Платонъ излагалъ свои мысли путемъ діалектическимъ, т. е. при помощи вопросовъ, отвѣтовъ и вообще совмѣстной съ учениками разработки основныхъ положеній. Само собою разумѣется, что роль учениковъ при этомъ была болѣе мнимая, нежели реальная: нить разговора была въ рукахъ у самого Платона, который не давалъ своимъ собесѣдникамъ отклоняться отъ нея въ ту или другую сторону и умѣлъ искусно напередъ намѣчать желательные ему отвѣты или вопросы. Отъ этого діалектическій способъ изложенія пріобрѣтаетъ у него не столько существенный, сколько формальный характеръ, — какъ разъ противоположный тому, какой этотъ способъ имѣлъ у Сократа, имѣвшаго дѣло не съ офіціальными учениками, спорящими по программѣ, а съ широкой публикой, съ которой приходилось аргументировать въ-серьезъ, а не для вида только. Все же и у Платона діалектика играла нѣкоторую роль, пробуждая въ ученикахъ не одно лишь пассивное вниманіе, но и активную работу мышленія. Кромѣ того она давала возможность приводить иллюстраціи и факты съ цѣлью то рельефнѣе выдѣлить необходимые признаки даннаго понятія, то привести въ надлежащіе предѣлы содержаніе даннаго опредѣленія, то возможно ярче освѣтить какую-нибудь сложную мысль.

Эти выгоды діалекческаго способа развитія мыслей Платонъ цѣнилъ такъ высоко, что перенесъ его и въ литературныя свои произведенія. Какъ извѣстно, Сократъ излагалъ свое ученіе только устно; Платонъ-же, въ противоположность ему, написалъ цѣлый рядъ сочиненій, названныхъ діалогами, въ виду разговорной формы, въ которую они облечены. Въ древности, благодаря отсутствію книгопечатанія и связанныхъ съ нимъ искусствъ и ремеслъ, писанное слово никогда не пользовалось особеннымъ вліяніемъ и популярностью. Люди предпочитали устную рѣчь съ ея богатыми переживаниями красокъ и тоновъ мертвому слову, начертанному чернымъ на бѣломъ, — неподвижному и безцвѣтному, какъ взоръ каменной статуи: они не любили читать изъ свертка свою «Іліаду» или «Сафо», но предпочитали внимать, какъ ихъ передавали живыя уста пѣвца, съ его вдохновеннымъ лицомъ, свѣтящимися глазами и глубокимъ, взволнованнымъ голосомъ. Но чтеніе даже философ-

скихъ и научныхъ сочиненій, гдѣ подобныхъ драматическихъ моментовъ не могло быть, мало удовлетворяло ихъ: они возставали противъ того сфинксообразнаго безмолвія, которое вѣетъ отъ печатнаго слова. Страница даетъ не больше того, что она въ себѣ содержитъ: ее нельзя ни вопрошать, ни требовать отъ нея объясненій или отвѣтовъ на возникающія сомнѣнія. какъ то можно сдѣлать съ живымъ человѣкомъ. И этотъ недостатокъ казался людямъ столь крупнымъ, что писатели, какъ Платонъ, употребляли всѣ усилія, чтобы выработать литературную форму, при которой этотъ недостатокъ скрасился бы елико возможно. Эта форма была форма діалога, т. е. разговоръ между двумя и болѣе лицами, изъ которыхъ одно развиваетъ извѣстныя положенія, а другія возражаютъ, останавливаютъ, переспрашиваютъ и т. д. Благодаря этому книга, казалось, пріобрѣтала всѣ наиболѣе важныя преимущества устной рѣчи, да къ тому еще нѣкоторыя другія, которыхъ послѣдняя лишена.

Такимъ образомъ діалогъ въ рукахъ Платона является ничѣмъ инымъ, какъ письменной формой діалектики, и тѣ общія цѣли, которыя, какъ мы видѣли, имѣла въ виду послѣдняя, имѣетъ также и первый. И тотъ, и другая отвѣчаютъ на запросы своего времени, и какое-бы значеніе мы имъ ни придавали въ настоящее время, для своего момента они имѣли первостепенную важность. Пытливая мысль перестала уже удовлетворяться авторитетнымъ провозглашеніемъ истины, исходящимъ отъ божества и его оракуловъ; она скептически начала относиться къ безошибочности поэтического творчества и къ безгрѣшности прадѣдовской мудрости: она стала назойливо требовать аргументовъ, вызывающихъ не къ сердцу или привычкамъ, а къ критическому разуму. Взять положеніе, точно опредѣлить всѣ входящія въ него члены, освѣтить его со всѣхъ сторонъ и испытать его основательность въ горнилѣ разумаго пониманія,—пожалуй, даже цѣпь тщательно подобранныхъ фактовъ,—вотъ какія требованія предъявлялись теперь философу, который бы вздумалъ выступить со взглядами и доктринами, не вошедшими еще въ наличную сумму идей и понятій. Догматическое изложеніе стало теперь невозможнымъ: явилась потребность въ системѣ аргументовъ и возраженій, которая бы удовлетворяла всѣмъ указаннымъ требованіямъ. Такая система была найдена: то была діалектика Сократа и діалогъ Платона.

Достоинства діалога, какъ видитъ теперь читатель, довольно

значительны, но еще болѣе велики достоинства самаго изложенія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ самыхъ блестящихъ писателей не только въ греческой, но и во всемірной литературѣ: богатый, гибкій, мелодичный языкъ Эллады достигаетъ у Платона такой же высоты художественности и пластичности, какъ мраморъ подъ рукою Фидія. Прелесть выраженій, простота и непринужденность оборотовъ, яркіе образы, плѣнительные миѳы и, подъ всѣмъ этимъ, все оживляющій и все согрѣвающій потокъ глубокаго поэтического чувства заставляютъ насъ забывать все окружающее при чтеніи многихъ и многихъ страницъ и даже цѣлыхъ діалоговъ, какъ напримѣръ «Апологию» или «Федона». Прибавьте къ этому, что дѣйствующія лица Платона никогда не являются резонирующими отвлеченностями, говорящими манекенами съ тѣмъ или другимъ ярлыкомъ для обозначенія ихъ именъ, но, напротивъ, представляютъ удивительную галерею живыхъ во весь ростъ фигуръ, проходящихъ мимо нашихъ взоровъ, со всѣми ихъ индивидуальными особенностями, — опредѣленными, драматически очерченными личностями данной эпохи и данной страны, которыя живутъ, умираютъ, смѣются, плачутъ, влюбляются, ненавидятъ и прочее. При всемъ томъ намъ приходится сознаться, что большинство діалоговъ скучны и утомительны, — и это объясняется не столько трудностью трактуемыхъ въ нихъ предметовъ, сколько нѣкоторыми особенностями въ манерѣ Платона аргументировать. Нашъ умъ нерѣдко изнемогаетъ подъ черепашиимъ ходомъ аргумента, останавливающегося на такихъ положеніяхъ, которыя и безъ дальнѣйшихъ объясненій представляются намъ ясными, какъ день; мы приходимъ часто въ нетерпѣніе отъ этой массы соображеній и вопросовъ, которые намъ кажутся вовсе ненужными; мы иногда даже обвиняемъ автора въ педантизмѣ за его столь мелкое распластываніе понятій и предложеній, и наконецъ прямо негодуемъ, когда на самомъ интересномъ для насъ мѣстѣ, когда читатель напрягаетъ всю силу своей мысли и вниманія, его, подъ предлогомъ дальнѣйшаго разъясненія, вдругъ прерываютъ возраженіемъ или вопросомъ, который намъ кажется тривиальнымъ и плоскимъ. Все это явленіе, почти неизбежное всякій разъ, когда приходится имѣть дѣло съ діалогами дидактическаго характера, подобно Платоновскимъ, и здѣсь-то кроется тайна той трудности чтенія ихъ, на которую такъ мужественно указалъ впервые Льюисъ.

Всѣхъ діалоговъ, дошедшихъ до насъ подъ именемъ Платонов-

скихъ, 35, и еще къ тому 13 писемъ философа къ разнымъ лицамъ. Эти послѣднія однако, за исключеніемъ 7-го, относительно котораго мнѣнія ученыхъ еще раздѣляются, признаны всѣ до единого подложными. У древнихъ повидимому чувство уваженія къ истинѣ было менѣе развито, нежели у насъ: они не прочь были помистифровать въ случаѣ чего — изъ видовъ ли благочестія, или другихъ, — тѣмъ болѣе, что, при отсутствіи научной критики и средствъ гласности, это можно было дѣлать съ большою безнаказанностью: шансовъ на изобличеніе было мало. Отсюда-то эта масса подложныхъ сочиненій, которыми такъ богата древняя литература. Къ нимъ и принадлежатъ псевдо-Платоновы письма, сочиненныя не раньше полувѣка послѣ его смерти, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже еще позднѣе. Что до діалоговъ, то и они не всѣ могутъ быть признаны подлинными. Еще въ древности, какъ передаетъ намъ Діогенъ Лаэртій, по рукамъ ходили діалоги, приписываемые Платону, но на самомъ дѣлѣ сфабрикованные его учениками: этотъ писатель и даетъ намъ ихъ списокъ; но даже изъ упомянутыхъ тридцати пяти подлинность многихъ стала въ послѣднее время подвергаться сомнѣнію. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ изложеніе тѣхъ критеріевъ, которыми пользуются ученые при опредѣленіи подлинности тѣхъ или другихъ діалоговъ: эти критеріи — частью филологическаго, частью эстетическаго, частью хронологическаго, частью обще-литературнаго характера, но конечно ни одинъ изъ нихъ не отличается математическою точностью и часто противорѣчитъ одинъ другому. Вопросъ поѣтому о подлинности многихъ діалоговъ далеко еще не разрѣшенъ и находится, какъ говорится, подъ сомнѣніемъ. Наболѣе прочно установленною почитается подлинность тѣхъ изъ нихъ, для которыхъ имѣется свидѣтельство Аристотеля, либо прямо цитирующаго ихъ какъ Платоновскіе, либо упоминающаго о нихъ въ такомъ смыслѣ; а менѣе прочно — тѣхъ, за которые ручаются лишь общія традиціи и внутренній характеръ ихъ. Вотъ списокъ наболѣе извѣстныхъ діалоговъ, составленный Ибервегомъ, въ нисходящемъ порядкѣ ихъ подлинности: «Республика», «Тимей», «Законы», «Федонъ», «Пиръ», «Федръ», «Горгій», «Меновъ», «Гиппій Младшій», «Менексенъ», «Теэтетъ», «Филебъ», «Софисты», «Политикъ», «Апология», «Лизидъ», «Лахъ», «Протагоръ», «Эвтидемъ», «Кратиллъ».

Но еще труднѣе, нежели опредѣленіе подлинности Платоновскихъ діалоговъ, является классификація ихъ по содержанію. Для

систематическаго изученія какой-нибудь философской системы намъ важно прежде всего привести сочиненія даннаго мыслителя въ извѣстный порядокъ. Чаше всего мы распредѣляемъ ихъ по отдѣльнымъ, хотя и связаннымъ одна съ другой, группамъ, смотря по предмету, въ нихъ трактуемому, либо располагаемъ ихъ въ извѣстномъ преемственномъ порядкѣ такъ, чтобы каждое изъ этихъ сочиненій находилось во внутренней связи съ предыдущимъ и изученіе его служило ступенью къ изученію послѣдующаго. Ни тотъ, ни другой родъ классификаціи не примѣнимъ къ сочиненіямъ нашего философа. Уже спустя столѣтіе послѣ его смерти знаменитый ученый своего времени и директоръ Александрійской бібліотеки, Аристофанъ изъ Византіи, сдѣлалъ попытку распредѣлить Платоновы діалоги въ рядъ трилогій (т. е. группъ по три), руководствуясь характеромъ содержанія. Спустя еще три сличкомъ вѣка другой ученый—пифагореецъ Тразиллъ, распредѣлилъ ихъ на томъ же принципѣ на девять тетралогій (группа изъ четырехъ), но ни тотъ, ни другой не выполнили своей задачи съ достаточнымъ успѣхомъ, и всѣ дальнѣйшія попытки въ томъ же направленіи были столь же безплодны. Объясняется это просто тѣмъ, что отдѣльные Платоновы діалоги не представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльныхъ сюжетовъ, и рѣдко какой изъ нихъ занимается *однимъ* какимъ-нибудь вопросомъ или даже нѣсколькими, но близко одинъ къ другому стоящими. Наряду съ предметами политическаго характера вы встрѣтите въ одномъ и томъ же діалогѣ подробное изложеніе ученія о душѣ или о воспоминаніи, а тамъ, гдѣ трактуется теорія идей, внезапно вводится и разбирается вопросъ о всемірной гармоніи или о достоинствахъ реторики. Ясно поэтому, что всякую попытку разграничить и распредѣлить діалоги по предмету, въ нихъ излагающемуся, заранее ждетъ неудача,—развѣ только мы рѣшимся пожертвовать ихъ цѣльностью и рвать ихъ на отдѣльныя страницы.

Расположить ихъ одинъ за другимъ въ логическомъ или генетическомъ порядкѣ, въ силу внутренней ихъ связи, также не легко, потому что именно такой связи, которая бы соединила всѣ діалоги въ одно органическое цѣлое, у Платона не имѣется. Мы привыкли ожидать отъ мыслителя, выступающаго на публичное поприще, полнаго и отчетливаго міросозерцанія, разработаннаго если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ существенныхъ своихъ деталяхъ. Мы полагаемъ, что идеи, имъ провозглашаемыя

суть плоды долгой, хотя и тихой, незамѣтной работы мысли, къ которымъ онъ пришелъ послѣ строгой критики, и которыя нашелъ наконецъ истинными. Мы беремъ его ученіе, какъ разъ навсегда установившееся, и разбираемъ независимо отъ тѣхъ убѣжденій, которыя авторъ могъ имѣть раньше или можетъ имѣть въ будущемъ. Приступая съ подобнаго рода мыслями къ изученію Платоновской философіи, мы испытываемъ сильное разочарованіе. По одному и тому же вопросу у него имѣются различныя мнѣнія, и нѣтъ ни одной доктрины, отъ важной до мелкой, которую бы онъ проводилъ въ цѣлости черезъ всѣ свои діалоги. Онъ то урѣзываетъ свои мнѣнія, то дополняетъ, то измѣняетъ, то совсѣмъ отвергаетъ, и часто защищаетъ въ одномъ діалогѣ то, противъ чего ожесточенно сражается въ другомъ. Такъ напр., соглашаясь съ Сократомъ, что добродѣтель и знаніе тождественны, и что стало-быть первая поддается преподаванію, онъ въ концѣ своей жизни отказывается отъ этого положенія, тѣмъ самымъ отрицая всю этическую систему, которую онъ раньше такъ тщательно строилъ. Точно также свое ученіе объ идеяхъ—это сердце его философіи—онъ самъ же въ одномъ изъ своихъ наиболѣе блестящихъ діалоговъ «Парменидъ» до того разбиваетъ въ дребезги, что многіе новѣйшіе ученые никакъ не могутъ примириться съ мыслью, чтобы этотъ діалогъ могъ выйти изъ-подъ его пера. Даже сама форма діалога у него не до конца выдержана: не говоря уже объ «Апологии», гдѣ она по существу не могла имѣть мѣсто, она почти исчезаетъ напр. въ послѣднемъ его сочиненіи—«Законахъ», уступая мѣсто обычному связному методу изложенія отъ лица автора.

Такое крайнее непостоянство во взглядахъ и даже пріемахъ можетъ показаться страннымъ, но оно объясняется тѣмъ глубокимъ духомъ скептицизма, которымъ былъ проникнутъ умъ Платона, не смотря на всю кажущуюся его догматичность. Онъ былъ сынъ своего вѣка, но это не значитъ, чтобы онъ, подобно Протагору, когда-либо отчаялся найти истину: Платонъ былъ увѣренъ, что она существуетъ, но онъ лишь сомнѣвался въ своихъ силахъ дойти до нея. Въ каждый моментъ своего развитія, когда, казалось, истина была уже у него въ рукахъ, онъ все же никакъ не могъ отдѣлаться отъ тайной мысли, что быть можетъ онъ ошибается. Онъ вѣрилъ въ будущее, но не довѣрялъ настоящему, и эта струя скептицизма, еле примѣтная, но все же могучая,

разѣдала какъ ржа самыя завѣтныя догмы его ученія. Быть можетъ Платонъ слишкомъ широко смотрѣлъ на вещи, слишкомъ часто становился — мысленно главнымъ образомъ — въ положеніе противника, чтобы вѣрить въ исключительную правоту своей точки зрѣнія и абсолютную безошибочность своихъ мнѣній. Какъ бы то ни было, фактъ остается неизмѣннымъ: мы не встрѣчаемъ у него такой стройной и тщательно координированной системы, какую мы привыкли видѣть у другихъ философовъ, — напр. Спинозы или Гегеля; у него даже, какъ уже давно было замѣчено, системы, въ строгомъ смыслѣ этого слова, совсѣмъ нѣтъ, а имѣются лишь различныя мнѣнія, — правда, связанные между собою общностью тенденцій, — выражающія отдѣльные моменты въ процессѣ развитія Платоновской мысли. Эти мнѣнія, изложенныя на бумагѣ, и дошли до насъ подъ формою діалоговъ, и искать поэтому между послѣдними тѣсной внутренней связи, которая бы давала намъ возможность изучать ихъ въ извѣстномъ послѣдовательномъ порядкѣ, совершенно напрасный трудъ.

Критики начала нашего столѣтія сразу замѣтили этотъ особенный характеръ Платоновскихъ сочиненій, и знаменитѣйшій изъ нихъ, Шлейермахеръ, сдѣлалъ попытку, стоя на этой почвѣ, объединить ихъ въ одномъ общемъ принципѣ, который-бы и освѣтилъ надлежащимъ образомъ такое крайнее разнообразіе и противорѣчивость доктринъ Платона, и далъ въ то же самое время возможность классифицировать его діалоги. Онъ провозгласилъ теорію, что Платонъ приступилъ къ своимъ сочиненіямъ съ predetermined планомъ и имѣлъ въ виду не сразу развернуть во всей ея полнотѣ общую и цѣльную картину своей системы, но, такъ сказать, постепенно подготовить умъ читателя къ воспріятію ея. Платонъ не думалъ развивать своей системы генетически, а дидактически, и согласно съ этимъ его діалоги естественно распадаются на три группы: элементарную, подготовительную и построительную.

Попытка была довольно остроумна, но, какъ уже вскорѣ показалъ другой извѣстный ученый Германнъ, совершенно произвольна. Какъ можно въ самомъ дѣлѣ предположить, и какими фактами можемъ мы такое предположеніе обосновать, что Платонъ приступилъ къ своей литературной работѣ съ predetermined планомъ, да еще къ тому дидактическаго характера? Германнъ вмѣсто этого предлагаетъ стать на другую, болѣе естественную

точку зрѣнія, — и именно ту, какую мы указали выше, — что діалоги, какъ они существуютъ, не представляютъ единого и органически сплоченнаго цѣлаго, а являются лишь отдѣльными выраженіями Платоновской мысли въ отдѣльные моменты ея развитія. Бѣльшаго мы искать въ нихъ и не въ состояніи, и не въ правѣ, и всякая попытка къ стройной классификаціи ихъ должна быть оставлена разъ навсегда.

Отсюда ясно, какое громадное значеніе пріобрѣтаетъ для насъ знаніе хронологическаго порядка, въ которомъ діалоги Платона появлялись одинъ за другимъ изъ-подъ его пера; только тогда можемъ мы опредѣлить положеніе — и историческое, и логическое — каждаго діалога въ ряду всѣхъ другихъ. Къ сожалѣнію, и это намъ не вполне доступно, и лучшіе авторитеты, сходясь относительно наиболѣе позднихъ произведеній Платона, никакъ не могутъ прійти къ общему заключенію относительно самыхъ раннихъ изъ нихъ. Одни, относя начало литературной дѣятельности Платона къ Сократовскому періоду, считаютъ за первые его діалоги «Хармидъ», «Лизидъ» и «Лакхъ», въ то время какъ другіе, полагая, что онъ сталъ писать не раньше своего 40-го года, признаютъ за первые «Федръ», «Іонъ» и «Пиръ». Мы не претендуемъ дать свое личное мнѣніе на этотъ счетъ, а приведемъ два списка діалоговъ — одинъ — Джоуэтта, а другой — Иберверга — какъ два наиболѣе популярныхъ типа хронологической классификаціи. Первый изъ нихъ ставитъ діалоги въ такомъ порядкѣ: «Хармидъ», «Лизидъ», «Лакхъ», «Протагоръ», «Эвтидемъ», «Кратиллъ», «Федръ», «Іонъ», «Пиръ», «Менонъ»... «Апология», «Критонъ», «Федонъ», «Горгій»... «Республика», «Тимей», «Критій», «Парменидъ», «Теэтетъ», «Софистъ», «Политикъ», «Филебъ», «Законы», а второй — «Федръ», «Пиръ», «Протагоръ», «Горгій»... «Менонъ», «Республика», «Тимей», «Критій»... «Федонъ», «Кратиллъ», «Теэтетъ», «Филебъ» и «Законы».

Если однако классификація діалоговъ на тѣхъ или другихъ началахъ невозможна, то все же мы можемъ найти въ нихъ рядъ такихъ мнѣній, которыя наиболѣе постоянно и ярко характеризуютъ Платона, какъ философа. Мы должны ихъ брать въ разброску изъ всѣхъ діалоговъ, взаимно поправляя и дополняя. Мы конечно не получимъ при этомъ вполне законченной, органически связанной и округленной системы, но у насъ будетъ, во всякомъ случаѣ, общая картина всего того, что Платонъ наиболѣе

долго и серьезно признавалъ за окончательную истину. Такъ до сихъ поръ поступали историки философіи и, смотря по содержанію, распредѣляли собранные вмѣстѣ взгляды Платона на три отдѣла: 1) діалектику, или ученіе объ идеяхъ и познаніи; 2) физику, или ученіе о космосѣ и душѣ, и 3) этику или ученіе о нравственности и государствѣ. Безъ сомнѣнія, и это подраздѣленіе не вполне точно и исчерпывающе; но за неимѣніемъ лучшаго, а также благодаря давности его существованія (говорять, оно впервые было сдѣлано самими учениками Платона), намъ приходится имъ удовольствоваться и согласно съ этимъ сдѣлать обзоръ философской системы Платона.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Историческій моментъ. — Міръ матеріальный и міръ идеальный. — Идеи — ихъ природа и отношеніе къ предметамъ чувственнаго воспріятія. — Иллюстрація. — Коренное противорѣчіе въ Платоновскомъ міросозерцаніи. — Знаніе реальное и мнимое. — Орудіе истиннаго познаванія. — Важность вопроса объ абсолютномъ знаніи — Отвѣтъ на него Платона — теорія воспоминанія. — Произвольность ея и значеніе въ исторіи мысли. — Выводы практической морали и историческій ихъ смыслъ. — Іерархія идей. — Высочайшее благо. — Божество. — Сотвореніе міра. — Косное начало. — Матеріальная форма. — Міровая душа. — Космологія — Психологія. — Природа души. — Добродѣтель. — Любовь.

Въ разговорѣ съ однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ Гербертъ Спенсеръ какъ-то замѣтилъ, что, вообще говоря, тамъ, гдѣ условія дѣйствительной жизни не представляютъ здоровой пищи или достаточнаго простора для человѣческой дѣятельности, мысль ударяется въ метафизику. Это замѣчаніе, очень мѣткое вообще, какъ нельзя вѣрнѣе схватываетъ характеръ того историческаго момента, въ который появилась великая метафизическая система Платона. Греція жила удивительной жизнью. Фазы ея эволюціи слѣдовали одна за другою съ ошеломляющей быстротой; формы общественной и политической жизни смѣнялись, какъ смѣняются сцены въ какой-нибудь волшебной фееріи, и греческій геній, какъ легендарный Фазтонъ, мчался по небесному своду, сверкая и грохоча, все выше и выше поднимаясь по скользкой и опасной тропинкѣ. Это была какая-то безумная скачка, отъ которой мы, от-

даленные потомки, испытываемъ чувство, подобное тому, которое вызываютъ въ насъ—да простится намъ это сравненіе—антраша особенно смѣлаго и дерзкаго акробата. Мы съ захватывающимъ духъ волненіемъ все какъ бы ждемъ катастрофы; мы не можемъ отдѣлаться отъ этой мысли; наши нервы напряжены—и, увы въ большинствѣ случаевъ наши опасенія оправдываются. Греческій геній жегъ себя, такъ сказать, съ двухъ сторонъ, и достигши въ два-три поколѣнія неслыханнаго расцвѣта, сталъ такъ же быстро меркнуть и угасать. Эпоха, въ которую жилъ и мыслилъ Платонъ, какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ, когда леденящее дыханіе смерти впервые коснулось Эллады: общественныя формы ея стали обнаруживать признаки разложенія, искусство стало спускаться съ своей недосыгаемой высоты, и сама мысль начала биться и кружиться въ сѣтяхъ все охватывающаго скептицизма. Еще и еще немного, одно лишь поколѣніе—и прекрасная Греція падетъ подъ ударомъ завоевателя, какъ созрѣвшій плодъ падаетъ при легкомъ дуновеніи вѣтра.

Платонъ не мирился съ дѣйствительностью и, съ силою творчества, рѣдко превзойденной въ исторіи мысли, создалъ себѣ міръ вѣчный и прекрасный, недоступный ни времени, ни самой смерти. Матеріальный міръ съ его быстронесущимися формами, его измѣнчивыми судьбами, его страданіями и несовершенствомъ поблекъ, потускнѣлъ,—почти исчезъ при свѣтѣ другого міра,—высшаго, незыблемаго и единственно дѣйствительнаго. Что, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ изъ себя эта вся совокупность явленій, которую мы называемъ пышнымъ именемъ «міръ»? Безпрестанное движеніе, непрерывная смѣна разрозненныхъ, ничѣмъ не связанныхъ вещей, гдѣ нѣтъ ни постояннаго, ни вѣчнаго, про что мы могли бы сказать, что это *то*, а не *другое*. Все, какъ Гераклитъ говорилъ, находится въ состояніи неостанавливающагося теченія, въ которомъ нѣтъ ничего опредѣленнаго, въ которомъ не за что ухватиться, гдѣ все ускользаетъ изъ рукъ, гдѣ все мѣняется, переходитъ одно въ другое,—гдѣ, словомъ, нѣтъ *бытія*, а есть лишь *становленіе*. Считать все это за дѣйствительность такъ же бессмысленно, какъ принимать китайскія тѣни, проходящія передъ нашими глазами на полотнѣ, за реальныя фигуры: реальность, если гдѣ-нибудь существуетъ, должна быть въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь, въ этомъ калейдоскопѣ вѣчно несущихся явленій и формъ, гдѣ все *становится*, и никогда не *есть*.

Но реальность должна гдѣ нибудь существовать, и принимать все исключительно за иллюзію, за совершенный обманъ нашихъ чувствъ невозможно. Даже бредъ больного предполагаетъ существованіе мозга,—тѣмъ болѣе этотъ міръ, со своимъ безконечнымъ рядомъ явленій, поминутно вызывающихъ къ нашимъ элементарнымъ органамъ чувствъ. Мы можемъ уподобить всѣ воспринимаемыя нами вещи волнамъ быстро текущей рѣки и, какъ таковыя, признать ихъ преходящими и недѣйствительными; но кто можетъ усомниться въ существованіи нѣкоторой реальности, вызывающей эти волны и являющейся неизмѣннымъ ихъ субстратомъ, т. е. воды? Даже больше, взявъ весь міръ, какъ одно цѣлое, и признавъ, что въ немъ все—одно лишь становленіе, т. е. переходъ изъ одного состоянія въ другое, развѣ этимъ самымъ мы не предполагаемъ существованія нѣчто такого, которое лежитъ въ основѣ такого становленія? Вѣдь для того, чтобы явленіе было переходомъ изъ одного состоянія въ другое, необходимо допустить существованіе *чего-нибудь*, которое бы этотъ переходъ совершало, т. е. бытіе, которое бы становлялось—подобно тому, какъ, признавая данное явленіе за движеніе, мы этимъ самымъ допускаемъ существованіе того, что движется.

Найти эту реальность и составляетъ основную задачу Платоновской философіи, и отвѣтомъ на нее служить знаменитое ученіе объ идеяхъ.

Представимъ себѣ группу вещей—предметовъ или явленій,—которыя принято называть однородными, т. е. такими, которыя, не смотря на все свое разнообразіе въ формахъ или признакахъ, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя основныя свойства, общія всѣмъ входящимъ въ данную группу вещамъ. Таковы будутъ напримѣръ люди (Сократъ, Аристидъ, Критій), деревья (береза, сосна, дубъ), мебель (столъ, стулъ, кровать), альтруистическія чувства (великодушіе, состраданіе, любовь) и т. д. Не смотря на множество различій, отдѣляющихъ однѣ изъ этихъ вещей отъ другихъ, входящихъ съ ними въ одну и ту же группу, онѣ все таки имѣютъ нѣчто общее, которое дѣлаетъ ихъ вещами *этой* группы, а не *другой*, именно *тѣми*, а не другими,—людьми, а не напримѣръ звѣрями, деревьями, а не травою, мебелью, а не утварью, чувствами альтруистическими, а не эгоистическими. Это общее «нѣчто», которымъ опредѣляется принадлежность вещи къ той или другой группѣ (т. е. роду или виду), состоитъ изъ такъ называемыхъ постоян-

ныхъ признаковъ, объединяемыхъ въ родовое или видовое понятіе. Мы въ настоящее время полагаемъ, что эти понятія суть лишь абстракты, которые хотя и имѣютъ свои корни въ конкретныхъ вещахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не существуютъ нигдѣ, кромѣ какъ въ нашемъ умѣ: это — бытія субъективныя, а не объективныя. Но не такъ думалъ Платонъ. Теорія абстрагирующаго процесса была для него и для всей предыдущей философіи Греціи совершенно неизвѣстна, и, подобно всѣмъ своимъ современникамъ, онъ не умѣлъ отдѣлять логическое существованіе вещей отъ дѣйствительнаго. Все, что мы познаемъ, казалось ему, должно имѣть объективное существованіе, такъ какъ иначе мы не могли бы его познать. Ничто, т. е. не-бытіе, мы познать не можемъ, такъ какъ оно не можетъ возбудить въ насъ ни ощущенія, ни впечатлѣнія: отрицать это, думалъ онъ, значило бы допустить, что *ничто* можетъ произвести *нѣчто*; разъ слѣдовательно у насъ имѣется знаніе чего-нибудь, это, *что-нибудь* должно существовать: въ противномъ случаѣ и у насъ не было бы этого знанія. Для всякой мысли поэтому долженъ существовать объектъ: самый фактъ ея постулируетъ это, и этотъ объектъ долженъ имѣть дѣйствительное существованіе извнѣ нашего ума.

И вотъ Платонъ полагаетъ, что то, что мы называемъ теперь понятіемъ, а онъ идеей вещей, имѣетъ дѣйствительное существованіе, отдѣльное отъ этихъ вещей и независимое отъ нашей мысли. Тѣ родовые и видовые признаки, которые мы считаемъ свойствами вещей, въ ихъ не существующими, являлись во мнѣніи Платона свойствами идей, входящихъ въ эти вещи въ качествѣ составныхъ ихъ элементовъ. Взявъ на примѣръ рядъ красивыхъ вещей — красивое лицо, красивую статую, красивую мелодію, красивый переплетъ и т. д., Платонъ говоритъ, что эти вещи дѣлаются красивыми оттого что въ нихъ входитъ, съ ними сочетается красота, т. е., что «только благодаря красотѣ красивыя вещи становятся красивыми». Эта красота есть идея красивыхъ вещей, подобно тому, какъ человекъ есть идея Сократа, Аристиды, Критія, а дерево — идея березы, сосны, дуба, и т. д. Идея такимъ образомъ есть не что иное, какъ наше понятіе, съ тою однако существенной разницей, что она въ дѣйствительности, объективно существуетъ. Идея есть бытіе, живое воплощеніе всѣхъ родовыхъ и видовыхъ признаковъ вещей, — воплощеніе не отвлеченное, не субъективное, а конкретное и объективное. Она, такъ сказать, живая, кристал-

изованная квинтъ-эссенція всѣхъ вещей, входящихъ въ одну и ту же однородную группу: она — человекъ по преимуществу и въ отдѣльности отъ единичныхъ людей, столь не похожихъ въ частностяхъ одинъ на другого; она — дерево въ отличіе отъ единичныхъ деревьевъ; она — животное въ отличіе отъ единичныхъ животныхъ, и т. д. Она — типъ или, скорѣе, прототипъ, первообразъ вещей, живой и существующій въ дѣйствительности.

Мало того. Платоновскія идеи существуютъ не только для цѣлыхъ группъ — родовыхъ и видовыхъ, — но и для единичныхъ вещей и предметовъ, т. е. не только напримѣръ для дерева вообще, и для березы въ частности, но и для *этой* березы, а не другой въ особенности. Какой-нибудь отдѣльный и опредѣленный человекъ — назовемъ его Сократомъ — постоянно, въ каждый моментъ, подвергается измѣненіямъ вѣшнимъ и внутреннимъ: различныя положенія, состоянія, возрастъ и пр. непрерывно измѣняютъ его такимъ образомъ, что по истеченіи нѣкотораго періода времени онъ какъ-бы перерождается и становится другимъ человекомъ. Все-же подъ всѣми этими измѣненіями скрывается нѣчто такое, неуловимое, но реальное, въ силу чего Сократъ постоянно остается, въ глубинѣ своей сущности, тождественнымъ съ самимъ собой. Это «нѣчто» составляетъ какъ-бы сущность Сократа, чистый типъ его личности, — если можно такъ выразиться, — въ различные моменты его жизни: оно и есть идея Сократа, существующая отдѣльно и объективно.

Отсюда съ достаточной ясностью вытекаетъ ученіе Платона объ отношеніи идей къ предметамъ матеріальнаго міра. Какъ чистыя сущности вещей, составляющихъ группы, равно какъ и вещей единичныхъ, идеи суть какъ-бы воплощенія этихъ группъ и понятій вещей — типы коллективные и индивидуальныя, которые дѣлаютъ данную вещь именно такой, а не другой. Безъ Красоты (мы обозначаемъ здѣсь Платоновскую идею прописной буквой) не было-бы красивыхъ вещей, безъ Справедливости не было-бы справедливыхъ поступковъ, безъ Дерева не было бы отдѣльных деревьевъ; благодаря именно тому, что существуютъ эти идеи: Красота, Справедливость и Дерево — стало возможнымъ, чтобы данныя вещи могли сдѣлаться красивыми, данныя поступки — справедливыми и данныя растенія — деревьями. Идея по отношенію къ вещамъ играетъ такую-же роль, какъ концепція художника или ремесленника по отношенію къ ихъ произведеніямъ. Худож-

никъ, составляя себѣ концепцію богини Минервы, создаетъ по ней цѣлый рядъ статуй, которыя, несмотря на разнообразіе въ матеріалѣ, формѣ и пр., становятся изображеніями Минервы; точно такъ-же и плотникъ, создавъ себѣ концепцію кровати, дѣлаетъ цѣлый рядъ мебели, которая есть кровать въ силу этой концепціи. Богиня Минерва и кровать въ умахъ художника и плотника являются какъ-бы типами и первообразами всѣхъ статуй и кроватей, ими сдѣланныхъ. Точно такъ-же и идеи суть типы или первообразы, по которымъ созданы вещи нашего чувственного міра. И подобно тому, какъ статуи художника и кровати плотника суть какъ-бы вещественныя копіи съ ихъ концепцій, такъ и вещи чувственного міра суть не что иное, какъ вещественныя копіи съ данныхъ идей. Разница лишь та, что въ то время, какъ концепціи художника или плотника существуютъ лишь въ ихъ умѣ, идеи существуютъ въ реальности.

Въ качествѣ такихъ моделей вещей, идеи первѣе ихъ, и въ то время какъ онѣ, вещи, измѣнчивы и бренны, какъ всякая копія, идеи должны быть неизмѣнны, т. е. всегда быть абсолютно тождественными сами съ собой и существовать отъ вѣчности до вѣчности. Кромѣ того, какъ кристаллизованныя сущности вещей, идеи существуютъ отдѣльно отъ послѣднихъ, — но не на ряду съ ними, а исключительно: онѣ — реальности не въ ряду другихъ, а реальности по преимуществу — единственныя и абсолютныя. Вещи же не обладаютъ никакимъ дѣйствительнымъ бытіемъ; подобно отраженію въ зеркалѣ: онѣ — невѣрные, неясные снимки, имѣющіе существованіе, да и то призрачное — только благодаря идеямъ. Вселенная поэтому распадается какъ бы на два міра: одинъ міръ — идей, единственно реальный, неизмѣнный и вѣчный, а другой — вещей, призрачный, бренный и измѣнчивый; въ первомъ обитаютъ оригиналы и типы, во второмъ — копіи и снимки; въ первомъ нумены, во второмъ феномены, въ первомъ — бытіе, во второмъ — становленіе. Платонъ иллюстрировалъ все это слѣдующимъ поэтическимъ сравненіемъ. Представимъ себѣ, говорилъ онъ, подземную пещеру съ широкимъ, по высокимъ отверстіемъ къ свѣту, а въ пещерѣ — людей, находящихся тамъ со дня своего рожденія, и скованныхъ по рукамъ и ногамъ, спиною къ передней стѣнѣ. Сзади нихъ пылаетъ яркій огонь, и между ними и этимъ огнемъ, по тропинкѣ, идущей вдоль отверстія, безпрестанно проходятъ люди, бросая тѣнь въ пещеру, на противоположную ей стѣну. Не будучи

въ состояніи повернуть головы и не зная слѣдовательно, что происходитъ за ихъ спиною, люди въ пещерѣ видятъ однѣ лишь тѣни и естественно принимаютъ ихъ за дѣйствительныя фигуры, за реальныя существа. Но вотъ, представимъ себѣ, что одинъ изъ этихъ людей освобождается отъ цѣпей и выбирается черезъ отверстіе пещеры на открытый воздухъ, въ незнакомый ему міръ. Въ первые моменты конечно онъ ничего, кромѣ боли въ глазахъ, не испытаетъ, но затѣмъ, мало по малу привыкая къ свѣту, онъ начнетъ приглядываться и видѣть цѣлый рядъ новыхъ, неизвѣстныхъ ему вещей — небо, землю, воду, людей, деревья и пр. Сначала, если его кто нибудь начнетъ увѣрять, что все, что онъ видитъ, — реальности, а то, что онъ раньше видалъ въ пещерѣ, — однѣ лишь тѣни ихъ, онъ, вѣроятно, не повѣритъ. — подумаетъ, что надъ нимъ смѣются, и, быть можетъ, еще такъ обидится, что махнетъ рукой и полѣзетъ обратно въ свою родную пещеру. Но предположимъ, что онъ — человѣкъ недюжинный, и что у него хватитъ мужества выслушать всѣ эти непріятныя ему вещи: онъ начнетъ тогда провѣрять, сравнивать, ощупывать и размышлять, и наконецъ согласится, что прежде онъ жилъ фантомами, — что онъ зналъ однѣ лишь тѣни вещей, и что только теперь ему удалось постигнуть дѣйствительный міръ. Быть можетъ, движимый любовью къ своимъ жалкимъ собратьямъ, онъ возвратится въ подземную мглу и начнетъ рассказывать про свои впечатлѣнія; но они поднимутъ его на смѣхъ, назовутъ свихнувшимся фантазеромъ и, если, при переходѣ отъ свѣта къ мраку, онъ еще на время ослѣпнетъ и не сможетъ различить даже и тѣни, проходящія по стѣнѣ, надъ нимъ начнутъ еще острить и спрашивать, не оставилъ-ли онъ тамъ, наверху, свой умъ и свои глаза, и т. д. Смыслъ этой басни ясенъ: пещера — это нашъ видимый міръ, тѣни, проходящія на стѣнѣ, — суть вещи этого міра, а люди, сидящіе тамъ и принимающіе эти тѣни за дѣйствительность, — это мы сами, самоувѣренныя и упрямые слѣпцы, считающіе вещи чувственнаго міра за реальность.

Во всемъ этомъ есть однако пунктъ, настоятельно требующій разъясненія. Какимъ образомъ вещи становятся копіями идей? Въ силу чего напр. великое множество деревьевъ, именуемыхъ березами и отличающихся во многихъ отношеніяхъ одно отъ другого, являются копіями съ идеи березы, а не другой? Каково дѣйствительное отношеніе вещей къ идеямъ, такъ чтобы первыя могли сдѣлаться снимками съ послѣднихъ? Платонъ отдѣляется общи-

ми мѣстами и говоритъ, что вещь участвуетъ παδδου въ идеѣ. что въ ней есть нѣчто изъ того, что есть идея, что наконецъ подобно тому, какъ концепція художника воплощается въ его статуѣ. такъ и идея воплощается въ вещи. Но все ли этимъ сказано? Врядъ-ли! Самъ Платонъ въ одномъ мѣстѣ сознается, что, не смотря на то, что таково его убѣжденіе на этотъ счетъ, онъ не смогъ бы объяснить, какимъ образомъ происходитъ это участіе вещи въ идеѣ, а само это убѣжденіе подвергаетъ такой разрушительной критикѣ въ своемъ «Парменидѣ», что позднѣйшимъ философамъ не осталось ничего, что можно было бы къ ней прибавить. Въ самомъ дѣлѣ, если идея, какъ живой типъ, по существу своему едина и нераздѣльна, то какъ можетъ она войти необходимымъ элементомъ во многое и разнообразное, не потерявъ въ то же время этого единства и нераздѣльности? Одно изъ двухъ: или идея входитъ въ каждую отдѣльную вещь данной группы цѣликомъ, — тогда она перестаетъ быть единой, или она входитъ въ каждую вещь частью, — и тогда она перестаетъ быть нераздѣльной. Философъ самъ не могъ найти выхода изъ этой дилеммы, — тѣмъ менѣе можемъ мы.

Но какъ бы то ни было, этимъ путемъ Платону удалось, оставаясь на почвѣ Гераклитова положенія о безконечной измѣнчивости, а потому недѣйствительности вещей матеріальнаго міра, построить новый міръ, гдѣ царствуетъ вѣчная реальность. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разрѣшилъ и другую проблему, тѣсно связанную съ первой и выдвинутую греческой мыслью 5-го вѣка. То было знаменитое положеніе Протагора о томъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Какъ читатель уже знаетъ изъ біографіи Сократа, этотъ смѣлый философъ, такъ же оставаясь все время на точкѣ зрѣнія Гераклита, не поколебался вывести изъ основного тезиса своего учителя заключеніе о крайней относительности нашего знанія. Если чувственный міръ находится въ состояніи постояннаго движенія и измѣненія, то все наше знаніе отрывочно, неполно и несовершенно; мало того, такъ какъ феномены этого міра доступны лишь нашимъ ощущеніямъ и чувственнымъ воспріятіямъ, а эти послѣднія различны у различныхъ индивидовъ, то это отрывочное, неполное и несовершенно знаніе не имѣетъ даже объективной достовѣрности, а лишь субъективную. Истина такимъ образомъ не только не полна, но и относительна, и не только относительна вообще для всего чело-

вѣчества, но разнится въ степени и значеніи для каждой отдѣльной личности. Съ этимъ Платонъ соглашался. И онъ говорилъ, что знаніе матеріальнаго міра состоитъ исключительно изъ чувственныхъ воспріятій, а такъ какъ одна и та же вещь можетъ восприниматься различно различными субъектами въ различное время, то такое знаніе не въ состояніи установить прочныхъ фактовъ и исчерпать истинную природу вещей. Оно, словомъ, не объективно-истинное, а только мнѣніе — вѣчто среднее между совершеннымъ знаніемъ и полнымъ незнаніемъ — соотвѣтственно съ тѣмъ, какъ предметъ этого мнѣнія представляетъ лишь промежуточную стадію между бытіемъ и не-бытіемъ, т. е. становленіе, феноменъ. Объективно-истинное знаніе должно быть выше мнѣнія и имѣть дѣло съ предметами болѣе высшими, нежели тѣ, которыми занимается послѣднее, т. е. предметами, представляющими реальное и неизмѣнное бытіе. Протагоръ такихъ предметовъ не видѣлъ, потому что не поднимался выше калейдоскопической игры явленій чувственнаго міра, гдѣ дѣйствительно ихъ нѣтъ. Но у Платона они были: то были его идеи, составляющія міръ сверхчувственныхъ вещей. Познаваніе этого міра и есть истинное знаніе, совершенное и полное, передъ которымъ обращается въ ничто всякое другое: оно не только знаніе *par excellence*, но и единственно возможное для человѣка, — другого знанія нѣтъ и не можетъ быть. Только потому, что у насъ имѣются идеи, возможно такого рода знаніе: уничтожьте первыя, лишите ихъ неизмѣнности и вѣчности свойствъ, — исчезнетъ и второе, и останется одна софистика, гдѣ каждый толкуетъ вещи по своему и каждый по своему праву. А подобно тому, какъ объектъ знанія выше, нежели объекты мнѣнія, самый способъ достиженія перваго несравненно выше, нежели тотъ, которымъ достигается второе. Въ опроверженіе тѣхъ философовъ, которые отрицали движеніе и считали его за иллюзію, циникъ Діогенъ, говорятъ, вышелъ изъ своей бочки и торжественно прошелся назадъ и впередъ, думая этимъ наглядно доказать нелѣпость подобныхъ мнѣній. Конечно такого рода побѣдоносные аргументы были совершенно неумѣстны, такъ какъ противники его никогда и не думали отрицать, что *иллюзія* движенія существуетъ: они говорили, что это только иллюзія, видимость, но вовсе не объективно существующее явленіе. Подобнымъ образомъ, говоритъ преданіе, этотъ же самый циникъ, не видѣвшій дальше

своего носа, вздумалъ показать несостоятельность Платоновской теоріи идей, говоря, что онъ дѣйствительно видитъ и ощупываетъ бочку, но что онъ никакъ не видитъ и не въ состояніи ощупать идеи бочки. Гдѣ-же она? спрашиваетъ онъ. «И не мудрено, отвѣтилъ ему Платонъ, что ты ея не видишь: ты смотришь глазами, а не разумомъ». Точно такъ-же, прибавимъ мы отъ себя, Діогенъ могъ бы утверждать, что онъ видитъ однѣ лишь буквы и строчки и не видитъ идеи автора, и думать при этомъ, что онъ правъ, ссылаясь на свои чувственные воспріятія, т. е. зрѣніе, слухъ, осязаніе и пр. Дѣло въ томъ, училъ Платонъ, что эти чувственные воспріятія имѣютъ дѣло только съ тѣми предметами, которые находятся вокругъ насъ, въ матеріальномъ мірѣ явленій, но они рѣшительно не годятся, какъ только мы переступаемъ за предѣлы этого міра и стремимся познать предметы другого, высшаго порядка: чувственные воспріятія не у мѣста въ сверхчувственномъ мірѣ, и тамъ нужно пользоваться совсѣмъ инымъ орудіемъ познания. Платонъ это орудіе указалъ: это — разумъ, та высшая способность нашего ума, которая имѣетъ дѣло съ категоріями бытія и вѣчности, а не съ быстро-мелькающими феноменами нашего міра. При помощи его мы познаемъ идеи, т. е. достигаемъ знанія подобно тому, какъ при помощи органовъ чувствъ мы знакомимся съ вещами, т. е. пріобрѣтаемъ мнѣніе, и какъ послѣднее состоитъ изъ отрывочныхъ представленій вещей, такъ знаніе состоитъ изъ стройныхъ концепцій идей. Отсюда возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ возможно для насъ знаніе, когда объекты его, идеи, находятся внѣ условій нашего бытія, внѣ пространства и времени? Мы готовы допустить, что идеи, по самой сущности своей, недоступны нашимъ ощущеніямъ, а только разуму; но какимъ образомъ можетъ дойти до нихъ разумъ самъ? Вопросъ трудный, и самая постановка его дѣлаетъ честь Платоновскому генію. Въ самомъ дѣлѣ, человѣческій умъ несовершененъ и конеченъ: какъ же можетъ онъ подняться надъ матеріальнымъ міромъ, бреннымъ и относительнымъ, и дойти до познанія вѣчнаго и абсолютнаго? Надъ этимъ «проклятымъ» вопросомъ тщетно билась метафизическая мысль въ продолженіе вѣковъ, сознавая, что отъ разрѣшенія его въ ту или другую сторону зависитъ само ея существованіе: если абсолютъ дѣйствительно доступенъ нашему познанію, то метафизика, которая имъ занимается, имѣетъ полное и наивысшее право на существованіе; но если такое познаніе невозможно, тогда

всякое ея ученіе бесплодно и мнимо, какъ писаніе по водѣ. Мы теперь знаемъ, въ какую сторону склоняется разрѣшеніе этой проблемы: чуть ли не на глазахъ настоящаго поколѣнія метафизика потерпѣла одни удары за другими отъ науки и даже отъ ея собственныхъ представителей, и недалеко уже то время, когда она будетъ вполне и на вѣки заброшена, какъ ея младшія сестры — астрологія и алхимія. Мы начинаемъ все яснѣе и яснѣе сознавать, что такого рода знаніе, котораго такъ настойчиво добивается метафизика, не только недостижимо, но что, даже если-бы оно и было достижимо, все же оно было бы бесполезно, такъ какъ мы возвращаемся, живемъ и дѣйствуемъ въ мірѣ отношеній, къ которому абсолюты не приложимы. Мы постепенно теряемъ къ метафизическимъ проблемамъ интересъ, какъ мы потеряли интересъ къ задачѣ о квадратурѣ круга или къ диспутамъ о происхожденіи первой матеріальной молекулы. Но не такъ оно было раньше, когда возможность объединить явленія внѣшней и внутренней природы въ общіе законы и такимъ образомъ создать реальное и единственно полезное знаніе казалось невысказанной или, въ лучшемъ случаѣ, проблематической. Тогда каждый скептическій кризисъ, въ который періодически, съ роковой необходимостью впадала метафизическая мысль, выдвигалъ впередъ этотъ основной вопросъ о возможности познаванія абсолютовъ и о способахъ его достиженія. Платонъ, основатель метафизики, съ гениальной прозорливостью увидѣлъ необходимость считаться съ этимъ вопросомъ, и результатомъ явилась его знаменитая теорія воспоминаній, — теорія, прекрасная какъ сонъ или мечта, но и не болѣе реальная, нежели онѣ. Живые первообразы чувственныхъ вещей — идеи — живутъ въ надзвѣдной сферѣ, составляя особый міръ. Чистыя, безъ цвѣта, безъ формы, безъ протяженія, возсѣдаютъ онѣ тамъ, какъ божество, сіяя вѣчною красою и истиною, недоступныя никому, кромѣ Безсмертнаго разума. Но съ ними обитали и души передъ тѣмъ, какъ онѣ ниспосланы были въ наши бренныя оболочки. Тогда, во время своего обитанія въ горнихъ областяхъ, онѣ созерцали въ нѣмомъ восторгѣ эти державныя идеи, пропитываясь ихъ свѣтомъ и составляя себѣ точныя понятія объ истинѣ и бытіи; теперь же заключенныя въ тѣлесную оболочку, какъ въ темницу, онѣ поставлены среди быстро несущагося потока жизни, имѣя передъ своими взорами не вѣчность, не совершенство, не неизмѣнность, а мелькающіе феномены, полные только уродства и непостоянства.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти феномены суть блѣдныя копіи вѣчныхъ идей,—и передъ мысленными взорами впечатлительной души раскрывается—смутно сначала, но яснѣе потомъ, другой, лучшій міръ, въ которомъ она нѣкогда жила и который былъ ей такъ дорогъ. Она начинаетъ вспоминать, какъ мы начинаемъ вспоминать родныя лица при взглядѣ на ихъ фотографіи, хотя бы отъ времени выцвѣтшія: образы будятъ память, и мало по малу, напрягая всѣ свои силы, душа начинаетъ подмѣчать знакомый обликъ идей среди шумнаго и несвязнаго вихря вещей и явленій. Чѣмъ полнѣе отрѣшается она отъ вліяній внѣшняго міра, чѣмъ глубже всматривается она въ пеструю игру явленій, тѣмъ ярче оживаютъ въ ней воспоминанія, тѣмъ живѣй встаютъ передъ ней давно забытые образы идей. Она все выше и выше поднимается надъ чувственными воспріятіями, чуждыми ей съ самаго рожденія, и начинаетъ постепенно создавать себѣ понятія, соотвѣтствующія ея воспоминаніямъ,—понятія, все болѣе и болѣе сложныя, все болѣе и болѣе высокія.

Такова теорія, которую Платонъ выдвинулъ въ видѣ разрѣшенія вопроса о возможности для насъ познать идеи—истинное, абсолютное бытіе, въ противоположность феноменальному становленію, доступному чувственному воспріятію. Эта теорія, какъ читатель видитъ, совершенно произвольна и не имѣетъ за собой ни одного факта, на который она могла бы опираться. Но мы не станемъ здѣсь вдаваться въ критику ея: это значило бы критиковать всю метафизику, какъ систему и методъ мышленія; мы лишь укажемъ на тотъ фактъ, что эта самая теорія, не смотря на всю свою необоснованность, подъ различными формами и съ легкими измѣненіями прошла красной нитью черезъ всю исторію европейской философіи. Ибо что такое знаменитое ученіе о врожденныхъ идеяхъ, державно господствовавшее вплоть до появленія Канта и имѣющее послѣдователей и понынѣ, какъ не Платоновская теорія воспоминаній, приспособленная къ новому міросозерцанію?

Конечно духъ въ картезіанской философіи ни о чемъ не вспоминаетъ; но онъ рождается съ тѣми же зародышами или, лучше сказать, тѣмъ же потенціальнымъ знаніемъ, что и душа у Платона. И тамъ, какъ и здѣсь, знаніе чувственнаго міра признается за мнимое, но въ обоихъ случаяхъ ощущенія и воспріятія играютъ роль стимуловъ, подъ вліяніемъ которыхъ духъ человѣческій достигаетъ знанія вѣчнаго и неизмѣннаго. Теоріи

эти не тождественны, но сходны, и вліяніе одной на другую отрицать нельзя.

Теорія воспоминаній, важная сама по себѣ, какъ попытка разрѣшить основную проблему о философскомъ знаніи, получаетъ въ нашихъ глазахъ еще большее значеніе въ виду тѣхъ выводовъ, которые непосредственно изъ нея вытекаютъ. Душа, заключенная въ тѣсную оболочку тѣла, начинаетъ присматриваться къ безконечной смѣнѣ внѣшнихъ явленій и улавливать по снимкамъ первообразы вещей, которые она нѣкогда видала лицомъ къ лицу. Она начинаетъ вспоминать свою первоначальную обитель, гдѣ ея жизнь была полна блаженнаго созерцанія вѣчно сіяющихъ идей: она начинаетъ тосковать и рваться вонъ изъ давящей клѣтки къ высокимъ небесамъ, къ царству Добра, Истины и Красоты. Чѣмъ она чувствительнѣе, тѣмъ ярче горятъ воспоминанія и тѣмъ сильнѣе ея жажда возвратиться въ свою родную страну. Стѣны ея темницы заслоняютъ ей взоръ, тѣлесныя оковы отягчаютъ ей крылья, но тѣмъ непроборимѣе становятся ея стремленія освободиться отъ связывающихъ ее путъ. Нетерпѣніе растетъ у нея по мѣрѣ увеличенія ея знаній; презрѣніе и непамять къ чувственнымъ предметамъ все усиливается, и съ затаенной тоской ждетъ она момента своего освобожденія, одержимая однимъ страстнымъ порывомъ перешагнуть за предѣлы земного существованія. Небесныя мелодіи звучатъ въ ея ушахъ немолчнымъ призывомъ, и она прислушивается къ нимъ въ такомъ же восторженномъ экстазѣ, какъ святая Цецилія къ звукамъ своего органа, ища за конечнымъ — безконечное и за смертнымъ — бессмертное.

Съ неподражаемымъ искусствомъ великаго поэта Платонъ рисуетъ это въ своемъ «Федрѣ», развертывая передъ нашими взорами картину дивной красоты. Мы тронуты ею: душа, словно готическій соборъ, рвущаяся въ небеса, къ возвышеннымъ идеаламъ, прочь отъ сѣрой, испошляющей дѣйствительности, представляетъ одинъ изъ тѣхъ образовъ, которые постоянно поражаютъ человѣческое воображеніе, внушая безмолвное преклоненіе и жажду подражанія. На этомъ фонѣ была построена вся духовная жизнь Западной Европы въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, но Платонъ былъ первый, кто намъ его далъ. И это знаменательно. Древняя Греція, колыбель нашей цивилизаціи, жила жизнью здороваго организма, не занимающагося ни развѣдающимъ самоанализомъ, ни какими бы то ни было патологическими вопросами своего суще-

ствованія. Она не была мнительна и брала дѣйствительность какъ она есть, находя высшее для себя наслажденіе въ самомъ упражненіи своихъ способностей и отправленіи своихъ функцій. Жизненный путь для нея не былъ ни миссіей, ни испытаніемъ, ниспосланными свыше; она его проходила, мало заботясь о томъ, куда онъ ведетъ; она безмятежно и свѣтло глядѣла на все окружающее, инстинктивно лишь поворачиваясь къ теплымъ лучамъ солнца, подобно египетскому цвѣтку. Ученіе Платона было первою потою скорби, пронесшейся въ радостной дотолѣ атмосферѣ. Это былъ вздохъ, впервые вырвавшійся изъ человѣческой груди, которая внезапно почувствовала тягость земной жизни. Люди остановились въ смущеніи: откуда шель этотъ звукъ? каковъ его смыслъ? И сразу все какъ бы стало ясно. Природа вовсе не такъ хороша, какъ они до сихъ поръ думали; страданіе и зло составляютъ преобладающія въ ней силы; жизнь трудна и далеко не прекрасна, и наслажденія чувствъ мимолетны и ничтожны. Что же въ такомъ случаѣ этотъ міръ? Гдѣ цѣль жизни? Человѣчество призадумалось — и съ какой-то болѣзненной поспѣшностью, съ какимъ-то злорадствомъ стало рыться въ глубочайшихъ извилинахъ души и жизни, отыскивая въ нихъ брѣнное и призрачное, и отбрасывая и топча это все, какъ ненужный соръ. Все было облито горькимъ ядомъ безпощаднаго анализа, — и съ громкимъ воплемъ отчаянія изуродованная, исполосованная душа, все еще жаждущая счастья, стала рваться вонъ изъ этихъ мѣстъ, гдѣ лежали ея разбитые идеалы и все дышало разрушеніемъ. Сводъ небесъ, вѣчно лазурный, вѣчно неизмѣнный, — вотъ гдѣ живетъ истинное счастье и радость: туда душа должна стремиться, чтобы отдохнуть отъ безсмысленныхъ страданій земной дѣйствительности и обрѣсть новую, высшую и единственно свѣтлую жизнь.

Нездоровыя условія общественной жизни лежатъ въ основѣ Платоновскаго стремленія къ идеаламъ и презрѣнія къ реальной жизни. Исторія сама выдвинула основные мотивы такой философіи, и они царствуютъ понынѣ. Исчезнутъ ли они когда нибудь, — мы не беремся сказать, но спустя 20 столѣтій вѣковъ они остались такими же свѣжими, какими впервые вышли изъ устъ великаго мыслителя.

Ученіе объ идеяхъ въ связи съ теоріей воспоминаній составляетъ сущность философіи Платона, ея зерно. Эту часть, какъ уже сказано было, принято называть діалектикой въ отличіе отъ

физики и этики и переходомъ отъ первой къ послѣднимъ является ученіе объ іерархіи идей. Вещи чувственнаго міра расположены въ извѣстномъ восходящемъ и нисходящемъ порядкѣ отъ частнаго къ общему, отъ единичнаго къ собирательному, отъ конкретнаго къ абстрактному. Идеи, по отношенію къ которымъ эти вещи являются копіями, должны поэтому быть также расположены по извѣстной іерархической лѣстницѣ, какъ напр. Сократъ, человѣкъ, живое существо, организмъ, тѣло, бытіе, и т. д. — соотвѣтственно порядку, въ какомъ идутъ наши понятія. Каждая идея включена въ другую, болѣе широкую, надъ нею стоящую, и въ свою очередь включаетъ въ себѣ другую, менѣе широкую, находящуюся подъ нею, такъ что весь міръ идей представляется какъ бы одной сплошной цѣпью, въ которой каждое звено входитъ въ слѣдующее, большее, нежели оно само. Такимъ образомъ, взявъ самыя низшія идеи (Сократъ), мы найдемъ, что онѣ являются какъ бы субстанціями, производящими сущностями — по отношенію къ видимымъ и вообще чувственнымъ вещамъ, но лишь модусами, т. е. формою проявленія, для другихъ, стоящихъ выше ея по іерархической лѣстницѣ (человѣкъ и пр.). Такъ оно и со всякой другой идеей, гдѣ бы она ни находилась: она — субстанція для низшихъ и модусъ для высшихъ идей, и весь рядъ завершается одной верховной идеей, которая уже ни для какой другой не является модусомъ, но для всѣхъ субстанцій. То идея блага: она такъ относится ко всѣмъ прочимъ своимъ сестрамъ, какъ эти послѣднія относятся къ феноменамъ матеріальнаго міра. Всѣ идеи являются какъ бы среднимъ членомъ отношенія между идеей блага и нашимъ чувственнымъ міромъ, а благо какъ бы солнцемъ всего мірозданія. И подобно тому, какъ солнце даетъ намъ свѣтъ, въ которомъ мы только и можемъ жить, такъ и благо есть источникъ бытія: благо и бытіе такимъ образомъ не тождественны, но какъ солнце выше испускаемаго свѣта, такъ и благо выше бытія. Оно есть причина всего существующаго и, какъ таковая, оно есть Богъ. Богъ есть благо, а такъ какъ по вышесказанному благо есть источникъ бытія, то значитъ міръ былъ созданъ оттого, что Богъ всеблагъ. Спрашивается однако, — и это уже относится къ области Платоновской физики, — какимъ образомъ вообще міръ сталъ возможенъ? изъ какихъ элементовъ онъ былъ сотворенъ? Нужно сознаться, что Платонъ далъ весьма неудовлетворительный или, въ лучшемъ случаѣ, неясный отвѣтъ на это. Съ одной

стороны, міръ не можетъ быть чистымъ продуктомъ идей, т. е. имѣть субъективное *для нихъ* существованіе: предположить это — значило бы идти въ разрѣзъ, какъ уже давно было замѣчено критиками, со всѣмъ дуалистическимъ характеромъ античнаго міровоззрѣнія. Платонъ былъ совершенно чуждъ того абсолютнаго идеализма, который былъ такъ рѣзко установленъ въ 17-омъ вѣкѣ Берклеемъ. Къ тому же, тогда непонятна была-бы та блѣдность копій, то несовершенство снимка, которыя насъ такъ поражаютъ въ феноменальномъ мірѣ и которыя можно лишь объяснить присутствіемъ въ немъ нѣкотораго начала, противоположнаго природѣ идей и противодѣйствующаго имъ. Съ другой же стороны, предположить существованіе такого начала въ видѣ протяженной, осязаемой и косной матеріи — значило бы противорѣчить самому понятію объ идеяхъ, какъ о бытіи, которому исключительно принадлежатъ реальность и вѣчность. Гдѣ же исходъ? Что нѣчто, кромѣ Идей, *должно* было существовать, прежде чѣмъ міръ могъ быть созданъ, является элементарнымъ постулатомъ нашего разума: изъ ничего не можетъ быть создано ничто, и для того, чтобы творить, необходимъ кромѣ творческаго начала — въ данномъ случаѣ идеи — еще и матеріаль. Но такъ какъ этотъ послѣдній не можетъ быть матеріальнымъ, въ строгомъ смыслѣ слова, то остается допустить, что онъ былъ «ничто». Читатель, мало знакомый съ метафизическимъ методомъ мышленія, быть можетъ не сразу пойметъ, какъ это нѣчто существующее можетъ быть ничѣмъ, т. е., какимъ образомъ «ничто» можетъ имѣть положительное существованіе. Но онъ долженъ имѣть въ виду, что по основнымъ канонамъ метафизики во всякомъ отрицаніи заключается положительный элементъ, опредѣляющій его специфическій характеръ. Темнота, напр., въ силу этого положенія, есть нѣчто большее, нежели простое отсутствіе свѣта: она есть не-свѣтъ плюсъ еще кое-что, дѣлающее изъ нея не состояніе только, но еще и объективно, въ дѣйствительности, существующее явленіе, отличное отъ другихъ. Идея есть бытіе; все, что ей противопоставляется, есть не-бытіе: но это не-бытіе есть нѣчто большее, нежели одно отрицаніе бытія: оно само есть своего рода бытіе, объективно существующее. Изъ этого Гегель въ половинѣ нашего столѣтія выводилъ тождество бытія и небытія; но Платонъ до этого не доходилъ: метафизическій парадоксъ игралъ у него другую роль. Идеи существовали отъ вѣчности; внѣ ихъ существовало ничто (читатель

замѣтить, что метафизикамъ нельзя сказать: внѣ ихъ *не* существовало ничто), но это «ничто» само было чѣмъ-то. Чѣмъ-же? Безграничной, неосязаемой, неопредѣленной *формой* протяженія безъ наполняющихъ ее тѣлъ. Кантъ, а за нимъ другіе, еще въ большей степени, показали, что пространство, какъ и время, есть необходимая форма нашего чувственного воспріятія,—форма, не существующая независимо отъ тѣлъ и дошедшая до нашего сознанія путемъ сравненія, сложенія и отвлеченія разстояній между этими тѣлами. Платонъ думалъ иначе и придавалъ этой формѣ объективное существованіе, —концепцію, которую хотя и трудно реализовать, но необходимо постулировать,—ибо, въ противномъ случаѣ, гдѣ размѣстились бы созданныя тѣла и откуда взялись бы разстоянія между ними? Эта-то форма, которая въ качествѣ прямого отрицанія идеи, есть ничто, не-бытіе, и представляетъ тотъ своеобразный матеріалъ, изъ котораго Деміургъ создалъ чувственные предметы, уподобивъ ихъ идеямъ. Она сосуществовала съ Богомъ отъ вѣчности, но въ состояніи неупорядоченнаго хаоса безъ опредѣленныхъ свойствъ, хотя и съ извѣстными возможностями. Міръ поэтому есть сочетаніе двухъ противоположныхъ началъ, изъ которыхъ одно есть источникъ всего разумнаго, прекраснаго и совершеннаго, а другое—нелѣпаго, уродливаго и грѣшнаго. Оба враждуютъ между собою,—и отсюда-то безпрерывное переходеніе отъ одного къ другому, отъ бытія къ не-бытію.

Но такой міръ былъ бы мертвымъ, неподвижнымъ міромъ,—огромнымъ тѣломъ безъ жизни, безъ смысла, еслибы въ немъ не обитала душа. Если внимательно присмотрѣться къ окружающей насъ природѣ, то мы не сможемъ не замѣтить удивительной цѣлесообразности, господствующей въ ней на каждомъ шагу. Объяснять ее механической игрой силъ или атомовъ такъ же нелѣпо, какъ объяснять идейное содержаніе картины рядомъ безсмысленныхъ движеній руки художника. Работой послѣдняго руководилъ не случай, а смыслъ, его кисть направлялась намѣченной цѣлью, и вся картина есть результатъ сознательной его дѣятельности и воплощеніе его разумной мысли. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ это сказать относительно вселенной, гдѣ каждое явленіе имѣетъ свой смыслъ и свою цѣль. А если это такъ, то въ ней должна обитать душа, ибо что такое разумъ,—эта сила, приспособляющая средства къ цѣлямъ,—какъ не часть, и притомъ высшая часть души? Это

подтверждается еще живымъ примѣромъ человѣка. Онъ состоитъ изъ тѣла и души, какъ то показываетъ намъ двойной характеръ его отправленій; и подобно тому, какъ первое есть не что иное, какъ часть мірового тѣла, состоящая изъ земли, влаги, огня и прочихъ космическихъ элементовъ, такъ и душа должна быть частью міровой души, откуда она взята и куда по истеченіи времени вернется. Одно предполагаетъ другое, какъ вдыхаемый нашими легкими воздухъ предполагаетъ существованіе атмосфернаго воздуха. И какъ міровое тѣло неизмѣримо больше нашего человѣческаго тѣла, такъ и міровая душа должна быть несравненно выше и совершеннѣе нашей человѣческой души. Космосъ поэтому есть живой организмъ, гдѣ все приводится въ движеніе, все направляется къ цѣли; все оживляется силой и дѣятельностью души: онъ — живое существо, столь же сознательное и сознающее, какъ человѣкъ или звѣрь. Но откуда эта душа взята? Изъ чего она состоитъ? Богъ, говоритъ Платонъ, взялъ оба отъ вѣчности существовавшія начала: недѣлимое и неизмѣнное, и дѣлимое и измѣняемое, которыя соотвѣтственно воплощены въ идеяхъ и въ матеріальной формѣ; смѣшавъ эти два начала, онъ получилъ третье, нѣчто среднее между ними, и изъ всѣхъ этихъ трехъ началъ создалъ міровую душу. Она такимъ образомъ состоитъ изъ трехъ элементовъ и каждый изъ нихъ имѣетъ свою отдѣльную область, которую онъ животворитъ и познаетъ. Въ первой находятся вѣчныя и неизмѣнныя сущности — идеи; во второй — объекты чувственнаго воспріятія, а въ третьей — предметы смѣшаннаго характера, а именно — такъ думалъ нашъ философъ — математическіе. Лишь только міровая душа соединилась съ міровымъ тѣломъ, все стало приходить въ порядокъ и гармонію: прежде всего образовались огонь и земля, а за ними, какъ пропорціональные члены великаго космическаго отношенія, воздухъ и вода. Огонь такъ относится къ воздуху, какъ воздухъ къ водѣ, а воздухъ такъ относится къ водѣ, какъ вода къ землѣ. Основная же форма огня есть тетраэдръ, воздуха — октаэдръ, воды — икосаэдръ, а земли — кубъ. *) Все міроздавіе представляется въ видѣ огромнаго шара, по всѣмъ частямъ котораго разлита міровая душа, приводящая въ движеніе небесныя сферы и пла-

*) Тетраэдръ, октаэдръ и икосаэдръ — геометрическія тѣла, ограниченные равносторонними треугольниками: четырехгранникъ, восьмигранникъ и двадцатигранникъ.

неты. Въ центрѣ этого шара неподвижно постоитъ нашъ земной шаръ, пронизанный міровой осью. Вокругъ земли на гармоничныхъ разстояніяхъ описаны круги, на которыхъ — также отдѣленные гармоничными интервалами — находятся вѣчно движущіяся солнце, луна и пять планетъ. Кругомъ всего этого, въ видѣ шарообразнаго покрова, раскинулся небесный сводъ, устѣянный неподвижными звѣздами, и этотъ сводъ, равно какъ и солнце, луна и планеты совершаютъ каждыя сутки полный кругооборотъ на міровой оси. Каждая звѣзда — такой же живой организмъ съ тѣломъ и душою, какъ и наша земля.

На подобныя теоріи, понятно, невозможно смотрѣть какъ на вкладъ въ науку: онѣ лишь интересны, какъ моментъ въ исторіи человѣческой мысли, когда она не видѣла еще необходимости считаться съ фактами и считала возможнымъ дать умозрительное объясненіе всѣхъ тайнъ мірозданія.

На этомъ намъ-бы слѣдовало остановиться, такъ какъ третій отдѣлъ Платоновской философіи — этика — ни разработана въ достаточной степени, ни имѣетъ отдѣльнаго существованія отъ его политическаго ученія. Нравственность есть реализація высшаго блага, но это невозможно иначе, какъ въ государствѣ. Она проявляется только въ общественной организаціи по тому, какъ мысль проявляется во времени и пространствѣ. Государство такимъ образомъ является необходимымъ условіемъ къ достиженію человѣкомъ нравственныхъ своихъ идеаловъ: отсюда важность его и значеніе ученія о немъ.

Все-же мы можемъ очертить здѣсь вкратцѣ нѣкоторые основные взгляды Платона въ области этики, которыхъ намъ врядъ-ли удастся коснуться при обзорѣ его политическихъ доктринъ. Индивидуальная этика, въ отличіе отъ общественной, ее включающей, зиждется на психологіи, т. е. ученіи о природѣ души. Въ противоположность до-Сократовскимъ философамъ, Платонъ считалъ душу субстанціей не матеріальной, но и не простой. Въ нее входятъ три различныхъ элемента, какъ въ міровую душу: элементъ — вѣчный и неизмѣнный, другой — бранный и измѣнчивый, а третій — сочетаніе первыхъ двухъ. Первый есть сѣдалище разума, познающаго идеи; второй — обитель страстей, а третій — жилище духа (сърдѣ духъ, мужество — непереводимое слово). Изъ нихъ безсмертенъ одинъ лишь разумъ, но тѣмъ не менѣе всѣ они связаны въ одно цѣлое. Платонъ поэтически воображалъ душу въ видѣ возницы и двухъ

крылатыхъ коней, впряженныхъ въ колесницу. У боговъ — и возница, и кони благородны и бессмертны, у людей же только возница и одинъ изъ коней: другой — низкаго происхожденія и нечистой крови. Души боговъ и людей живутъ вмѣстѣ въ царствѣ идей, но въ то время, какъ окрыленные колесницы первыхъ скользятъ по небесному своду съ поразительной легкостью и быстротой, колесницы вторыхъ слѣдуютъ за ними съ трудомъ, и то и дѣло, благодаря капризамъ строптиваго коня, склоняются и готовы упасть съ вышины. Много требуется усилій, чтобы укротить и держать подъ уздой этого коня, и горе тому возницѣ, который не сумѣетъ съ нимъ справиться: съ шумомъ и грохотомъ колесница падетъ съ небесной твердыни, и душа, потерявъ свои крылья, вынуждена будетъ войти въ тѣлесную оболочку. Тогда начинается ея земная юдоль, продолжающаяся 10 тысячъ лѣтъ: во все продолженіе этого времени она должна переходить изъ одного тѣла въ другое, пока не отроститъ своихъ крыльевъ и не сможетъ вернуться на свою родину. Участь ея печальна и тяжела, но та душа, которая одарена живымъ стремленіемъ въ небеса и презрѣніемъ къ землѣ, можетъ войти въ оболочку философа, и тогда ея земное скитаніе оканчивается въ 3 тысячи лѣтъ.

Отсюда — значеніе добродѣтели, потому что, какъ училъ еще Сократъ, добродѣтель есть благо, а благо души состоитъ въ приближеніи къ Божеству и въ возвращеніи въ небеса. Вмѣстѣ съ тѣмъ добродѣтель есть знаніе, и для каждой части души существуетъ особый видъ добродѣтели. Познавательная часть — разумъ — должна стремиться къ истинѣ, красотѣ и добру, этимъ тремъ естествамъ верховной идеи блага; оттого знаніе ихъ или мудрость есть добродѣтель разума. Мужественная часть души — духъ — должна помогать разуму, не опасаясь и не останавливаясь ни передъ чѣмъ: оттого ея добродѣтель состоитъ въ мужествѣ или знаніи того, чего нужно бояться и чего нѣтъ. Добродѣтель же чувственной части души — страстей — должно быть умѣренность и самообладаніе, т. е. знаніе того, чѣмъ можно пользоваться и чѣмъ нѣтъ, такъ какъ только строгимъ самообузданіемъ можетъ она содѣйствовать остальнымъ частямъ души въ ихъ стремленіи къ идеаламъ. И если каждая изъ этихъ частей будетъ исполнять свой долгъ какъ слѣдуетъ, то къ добродѣтелямъ ихъ прибавится еще по одной, — а именно, справедливость.

Такимъ образомъ страсти или стремленіе къ чувственнымъ

наслажденіямъ и вообще къ удовлетворенію своихъ чувственныхъ потребностей Платонъ считаетъ за противунравственный элементъ человѣческой натуры, который слѣдуетъ всячески подавлять и, если можно, совсѣмъ уничтожить. Здѣсь свинцовая туча аскетической морали впервые показывается на ясномъ дотолѣ горизонтѣ античнаго міра, и хотя еще не мало вѣковъ пройдетъ, пока ей удастся застлатъ весь небосклонъ, но и первыя ея очертанія, не смотря на ихъ кажущуюся красоту, были уже достаточно зловѣщи, чтобы человѣческая душа, подобно птицѣ передъ грозой, почувствовала безпокойство и смущеніе.

Въ заключеніе — о пресловутой платонической любви, которую мы такъ порядочно испошлили, перекраивая ее на нашъ болѣзненный или лицемѣрный вкусъ. Любовь, половую любовь Платонъ никогда не думалъ отрицать или осуждать: напротивъ, онъ заходилъ иногда въ своихъ взглядахъ на этотъ счетъ гораздо дальше, чѣмъ оно могло-бы показаться позволительнымъ въ настоящее время. Но онъ выше ея ставилъ другого рода любовь, — а именно, духовное сліяніе, совмѣстное стремленіе двухъ натуръ къ достиженію философскаго знанія, т. е. знанія идей: для такого союза высшей цѣлью является истина, а восторги его заключаются въ сознаніи этого общаго стремленія къ божественной цѣли. Въ переводѣ на современныя понятія и языкъ, такая любовь есть идеальная форма дружбы, которая хотя и не исключаетъ эроса, но настолько выше его, насколько моральныя и интеллектуальныя стремленія выше чувственныхъ. Платоническая любовь слѣдовательно не отрицаетъ половой, но вмѣстѣ съ тѣмъ она вырастаетъ на духовной красотѣ, а не на тѣлесной, и ищетъ не плотскаго, а духовнаго, не бременнаго, а безсмертнаго...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Значеніе политическихъ взглядовъ Платона для настоящаго времени.—Утопіи вообще и Платоновская въ частности. „Республика“. Возникновеніе обществъ и ихъ органическіе элементы.—Ошибочность Платоновскихъ взглядовъ.—Политическія формы общества и ихъ недостатки.—Идеальное правленіе философовъ.—Роль воспитанія.—Въ чемъ оно состоитъ: гимнастика, музыка, поэзія и математика.—Значеніе этихъ предметовъ образованія.—Цѣли воспитанія: распредѣленіе общественныхъ обязанностей и правъ, и реализація высшаго блага.—Классы и ихъ добродѣтели.—Коренная ошибка Платоновской схемы.—Необходимость въ обществѣ единодушія и согласія.—Взгляды Платона на частную собственность и семью.—Уничтоженіе обоихъ институтовъ.—Брачное сожителство и положеніе дѣтей.—Неестественность Платоновскаго режима.—Положеніе женщины, ея права, обязанности и воспитаніе.—Основной недостатокъ Платоновскаго міросозерцанія.

Во всей системѣ философіи Платона ничто, быть можетъ, насъ такъ не интересуетъ, какъ его ученіе о государствѣ и вообще объ обществѣ. Прогрессъ науки обнаружилъ несостоятельность большинства его взглядовъ въ различныхъ областяхъ человѣческаго познанія: попытка его отторгнуть завѣсу, отдѣляющую міръ чувственный отъ сверхчувственного, и такимъ образомъ разрѣшить высочайшія проблемы бытія и знанія признана въ настоящее время—какъ и всѣ ей подобныя—тщетной и невозможной; его космогонія, равно какъ и космологія низ-

ведены на уровень наивныхъ фантазій, вызывающихъ нынѣ улыбку на устахъ даже школьника, и даже въ психологіи мы сдѣлали достаточные успѣхи, чтобы умозрѣнія нашего философа на этотъ счетъ казались намъ грубыми и натянутыми. Не такъ однако обстоитъ съ его политическими доктринами. Наука объ обществѣ—соціологія—до сихъ поръ является лишь благочестивымъ желаніемъ, и та часть, которая занимается политическими отправленіями общественнаго организма, до сихъ поръ не пошла дальше первоначальной эмпирической стадіи. Кой-какіе горизонты, правда, передъ нами уже раскрываются, и мы, хотя еще и смутно, какъ въ сумеркахъ, начинаемъ уже мало по малу различать тропу, по которой шли человѣческія общества; но все-же мы до сихъ поръ еще не обладаемъ ни однимъ закономъ, который съ большей или меньшей ясностью объяснилъ бы намъ прошлое или сослужилъ бы указаніемъ для настоящаго и будущаго. Индуктивный методъ до сихъ поръ еще почти неприменимъ къ явленіямъ общественнаго міра, сами факты либо не собраны, либо недостаточно опредѣлены, и въ своей практической дѣятельности мы руководствуемся главнымъ образомъ или требованіями момента, или общими апріористическими принципами. При такихъ условіяхъ многое изъ того, что по этимъ вопросамъ говорилъ Платонъ, до сихъ поръ еще не потеряло своего интереса и даже значенія: быть можетъ, будущая наука отвергнетъ и эти его доктрины, какъ отвергла другія; но пока, на той ступени, на которой находятся общественныя знанія въ настоящее время, онъ для насъ цѣненъ и заслуживаютъ полнаго вниманія.

«Республика» Платона начинается собой рядъ тѣхъ произведеній политическаго характера, которыя рисуютъ намъ типы наилучшихъ, по мнѣнію авторовъ, общественныхъ организацій, обеспечивающихъ счастье личности. Такого рода картины приято называть утопіями, придавая этому слову значеніе неосуществимаго, хотя-бы даже и желательнаго, проекта. Такихъ утопій въ сущности было и есть очень много: каждый изъ насъ, чувствуя въ тотъ или другой моментъ несовершенство или неудовлетворительность даннаго общественнаго строя, составляетъ себѣ болѣе или менѣе сознательный идеалъ соціальной организаціи, которая бы удовлетворяла физическимъ и духовнымъ потребностямъ человѣческаго существа. Рѣдко однако кто изъ насъ вырабатываетъ этотъ идеалъ во всѣхъ необходимыхъ деталяхъ и излагаетъ

его на бумагѣ въ назиданіе современникамъ и потомкамъ; но такія попытки были, и ихъ-то называютъ утопіями по преимуществу. Платонъ, св. Августинъ, Томасъ Моръ, Кампанелла, Морелли, Мабли, Кабэ, Сен-Симонъ и Фурье—вотъ рядъ главныхъ именъ, не считая нашихъ современниковъ, какъ Беллами, Гертцка и Вильямъ Моррисъ, съ которыми связаны наиболѣе извѣстныя попытки дать картину совершеннаго общественно-политическаго строя. Самые же замѣчательные изъ нихъ—это проекты Т. Мора, жившаго въ XVI в., и Платона. «Утопія», — фантастическій островъ, куда Моръ перенесъ мѣсто дѣйствія своего разсказа, — сдѣлалась нарицательнымъ именемъ для всѣхъ подобныхъ проектовъ; со вторымъ — намъ предстоитъ познакомиться въ этой главѣ.

Общественная организація, по Платону, вытекаетъ изъ самыхъ условій существованія, среди которыхъ поставленъ человѣкъ. Его организмъ безпрестанно расходуетъ свои силы, и этотъ расходъ, необходимое условіе его дѣятельности, долженъ быть постоянно восполняемъ. Пища, кровь и одежда являются поэтому предметами первой необходимости, безъ которыхъ трата жизненныхъ силъ не можетъ быть возмѣщена. Но можетъ-ли отдѣльный индивидъ удовлетворить всѣмъ этимъ нуждамъ? Платонъ думаетъ, что нѣтъ, и въ этой самонедостаточности личности видитъ причину возникновенія человѣческихъ обществъ. Человѣкъ ищетъ другихъ себѣ подобныхъ, съ которыми онъ соединяется для общей работы, и при ихъ помощи устраиваетъ жизнь такъ, что становится возможнымъ удовлетворять всѣмъ главнымъ потребностямъ жизни. Ясное однако дѣло, что каждый человѣкъ обладаетъ нѣкоторыми способностями, въ силу которыхъ онъ пригоденъ къ извѣстной работѣ больше, нежели къ другой; къ тому же, занимаясь постоянно однимъ и тѣмъ-же дѣломъ, онъ пріобрѣтаетъ больше сноровки, и теряетъ меньше времени при переходѣ отъ одного занятія къ другому. Естественно поэтому, что если каждый членъ общины изберетъ себѣ ту работу, къ которой онъ наиболѣе способенъ, и станетъ заниматься ею исключительно, то всѣ они, вмѣстѣ взятые, удостоятся удовлетворить своимъ потребностямъ и скорѣе, и полнѣе, нежели въ томъ случаѣ, еслибы каждый изъ нихъ брался за всевозможные роды дѣятельности. Раздѣленіе труда поэтому является первымъ и основнымъ началомъ, на которомъ покоится человѣческое общество, и, согласно указаннымъ тремъ потребностямъ въ пищѣ, кровѣ и одеждѣ, это общество

не можетъ состоять менѣе, нежели изъ 3—4 человекъ: земледѣльца, плотника и ткача или сапожника; но земледѣльцу нуженъ плугъ, плотнику — инструменты, а ткачу или сапожнику — станокъ, шилья или кожа; слѣдовательно и 4 человекъ будетъ мало: нужны кузнецы, механики и даже пастухи, которые пасли бы стада и занимались выдѣлкой кожъ. Но и этого мало. Подобно тому, какъ человекъ не можетъ жить одинъ, такъ и общество не можетъ жить изолированнымъ: существуетъ масса вещей, которыя обществу необходимы, но которыхъ оно не можетъ по тѣмъ или другимъ причинамъ само производить. Является потребность въ сношеніяхъ съ другими общинами, у которыхъ все это имѣется, — и возникаетъ торговля. Но торговля означаетъ обмѣнъ, а обмѣнъ не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ нѣтъ излишка въ продуктахъ. Нашему обществу поэтому необходимы земледѣльцы, плотники, ткачи и т. д., да еще и новый классъ купцовъ, постоянно разъѣзжающихъ по сосѣднимъ общинамъ и вывозящихъ и ввозящихъ товары. Даже этого мало: общество разрослось, каждый членъ его занимается своимъ дѣломъ, — какъ же будетъ производиться обмѣнъ продуктовъ въ самомъ обществѣ? Сапожникъ, скажемъ, сдѣлалъ пару сапогъ, но ему нужно поправить крышу: станетъ-ли онъ теперь бѣгать по городу съ сапогами въ рукахъ, ища плотника? а если послѣднему нужны не сапоги, но хлѣбъ? Отправится-ли сапожникъ, у котораго жилище полно воды отъ дождя, льющагося черезъ крышу, искать теперь земледѣльца, которому нужны сапоги, и, вымѣнявъ ихъ на хлѣбъ, бѣжать съ послѣднимъ къ плотнику? Конечно это абсурдъ: нужны лавочники и даже оптовые торговцы, которые спеціально занимались бы дѣломъ обмѣна. Но какъ насчетъ войны наступательной и оборонительной? Людей теперь въ нашей общинѣ много: пожалуй, имъ можетъ не хватить земли на пропитаніе. Что же дѣлать? А у сосѣдей какъ разъ имѣется полоска земли, которая, нужна ли имъ самимъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ весьма кстати пригодились бы нашей собственной общинѣ. Быть можетъ случится и такъ, что сосѣди почувствуютъ вожделѣніе къ нашей землицѣ, — и въ томъ, и въ другомъ случаѣ пойдутъ войны и появится, согласно требованіямъ раздѣленія труда, и особый классъ воиновъ, которые, чтобы успѣшно выполнять свое дѣло, также должны спеціализироваться, и т. д.

Картина эта, понятно, не отличается большимъ историческимъ

правдоподобіемъ. Жизнь обществами не есть человѣческое изобрѣтеніе: она существуетъ и у животныхъ высшаго типа, и человѣкомъ лишь наследуется въ эволюціонномъ процессѣ на ряду съ прочими физическими, духовными и соціальными свойствами и инстинктами. Раздѣленіе труда, — за исключеніемъ, быть можетъ, самыхъ элементарныхъ формъ, основанныхъ на различіи половъ или возрастовъ, такъ-же не могло имѣть мѣста: первобытный человѣкъ не нуждался ни въ кровѣ, ни въ одеждѣ; пищу-же онъ находилъ готовою на деревьяхъ или въ землѣ, и срывая ее или выкапывая, онъ тутъ-же ее и съѣдалъ. Но даже и на болѣе позднихъ стадіяхъ развитія, когда ни открытое небо, ни закрытая пещера не могли болѣе удовлетворить появившейся въ человѣкѣ потребности въ кровѣ, и когда ни древесные листья, ни плоды или корни не могли уже долѣе служить ему одеждой или пищей, — даже тогда, говоримъ, такого рѣзкаго раздѣленія труда, какъ представлялъ себѣ Платонъ, не могло быть: охотникъ-ли, или пастухъ, или даже позднѣе земледѣлецъ — до историческій человѣкъ столь-же часто сколачивалъ себѣ шалашъ, какъ и металлъ стрѣлы или проводилъ борозду. Система раздѣленія труда появляется поздно, и въ той совершенной формѣ, въ какой рисовалъ ее Платонъ, она не существовала даже въ самой Греціи. То-же самое приходится сказать и объ обмѣнѣ и торговлѣ: существованіе ихъ среди самого общества предполагаетъ цѣлый рядъ экономическихъ категорій, какъ рынокъ, отчуждаемость продукта труда и частную собственность въ болѣе или менѣе развитой формѣ, которыхъ ни-коимъ образомъ не могло быть при племенномъ и общинномъ коммунизмѣ первобытныхъ обществъ. Какъ попытка слѣдовательно прослѣдить возникновеніе и развитіе соціальнаго организма, эта теорія не выдерживаетъ никакой критики; но она важна по своимъ указаніямъ на тѣ органическіе элементы, изъ которыхъ, по мнѣнію Платона, слагается и должно слагаться человѣческое общество. Въ основѣ его лежатъ экономическія потребности, и право въ немъ состоять членомъ обусловливается трудомъ, общественно полезнымъ и необходимымъ.

И вотъ наше общество устроилось, но для правильной и нормальной его жизни нужны законы, которые регулировали-бы взаимныя отношенія его членовъ и обезпечили-бы преуспѣяніе всего организма. Въ виду этого необходимы правители, издающіе такіе законы и наблюдающіе за ихъ исполненіемъ. Такіе люди такъ-же

нужны—если еще не больше,—какъ земледѣльцы, плотники, сапожники, купцы, торговцы и воины. Они и имѣются въ каждомъ изъ извѣстныхъ намъ обществъ, и согласно тому, въ рукахъ ка-кого класса находится кормило правленія, т. е. изъ какой среды исходятъ личности, издающія и исполняющія законы, Платонъ раздѣлялъ—въ «Республикѣ» и «Законахъ»—всѣ формы правленія на три разряда. Прежде всего идетъ правленіе единоличное, которое, смотря по тому, законное оно или незаконное, т. е. добровольно-ли народомъ ввѣренное или узурпированное, называется либо монархіей, либо тиранніей. Вторая форма правленія—совершенно противоположна первой: правителемъ является самъ народъ въ своей коллективной личности—демократія,—безъ всякаго различія рода, ценза и интеллектуальныхъ и моральныхъ качествъ; но и она можетъ быть законная или незаконная, смотря по тому способу, какимъ овладѣла властью. Третья же форма, къ которой Платонъ, какъ и его ученикъ Аристотель, имѣлъ наибольшее пристрастіе, состоитъ въ правленіи класса богатыхъ и способныхъ,—аристократія, которая однако, если завладѣла государственнымъ рулемъ насильственно, вырождается въ олигархію. Подъ эту-же форму Платонъ подводитъ и военную республику—тимократію,—гдѣ власть принадлежитъ сословію военныхъ.

Всѣ эти формы правленія казались ему однако болѣе или менѣе несовершенными. Лучше всѣхъ, быть можетъ, была-бы монархія, но то обстоятельство, что она легко можетъ перейти въ тираннію, перевѣшиваетъ всѣ ея прочія достоинства и дѣлаетъ ее опасною для народнаго благосостоянія. Демократія—также не безъ большихъ недостатковъ: народная толпа глупа, невѣжественна и полна предразсудковъ. Она измѣнчива, капризна и не умѣетъ отличать истины отъ лжи. Она не владѣетъ собой и легко дѣлается игрушкой въ рукахъ краснорѣчиваго демагога и ловкаго интригана. Лучше всего было-бы правленіе людей отборныхъ по своимъ способностямъ, серьезности и знаніямъ; но гдѣ ихъ взять? ни богатые, ни военные, какъ таковые, не вносятъ съ собой достаточной гарантіи тому, что ихъ правленіе не перейдетъ въ классовое, противународное, олигархическое. Нужно поэтому создать новый классъ, если мы желаемъ имѣть государство совершенное, идеальное,—классъ, который состоялъ-бы изъ подобныхъ отборныхъ людей, и которому исключительно была-бы ввѣрена задача государственнаго правленія.

Мы раньше видѣли, что для болѣе или менѣе обезпеченнаго въ своихъ матеріальныхъ нуждахъ общества необходимы два обширныхъ разряда гражданъ: однихъ—и это самые многочисленныя,—которые заняты экономически производительнымъ трудомъ, и другихъ—чья роль состоитъ въ охраненіи общественной безопасности какъ извнѣ, такъ и внутри. Для успѣшнаго выполненія возложенной на каждого изъ нихъ задачи необходимо полное и абсолютное раздѣленіе между ними труда, сообразно ихъ способностямъ и наклонностямъ, такъ чтобы членъ одного класса не только не могъ вмѣшиваться въ кругъ дѣятельности другого класса, но и не смѣлъ заниматься работой какого-нибудь члена *своего*-же класса, т. е., чтобы сапожникъ напримѣръ не только не могъ высказывать свое мнѣніе или принимать участіе въ дѣлахъ военныхъ, но не смѣлъ, бросивъ свое шило, вдругъ взяться за портняжную иглу. Теперь же мы установили еще одно,—а именно, что обществу, желающему не только существовать, но еще быть счастливымъ и совершеннымъ, необходимо имѣть отдѣльное сословіе правителей, взятыхъ не на-обумъ изъ того или другого класса, въ силу какихъ-либо внѣшнихъ отличій, но изъ людей, достойныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и умственнымъ способностямъ. И эти правители, въ свою очередь, должны составить классъ, т. е. быть связанными общимъ воспитаніемъ, идеями и интересами въ одну корпорацію повелѣвающихъ, по отношенію къ которымъ всѣ остальные граждане являются повинующимися — подданными. Каковъ же это классъ? каковы его qualificаціи? Это философы,—люди, стоящіе на высотѣ культуры и достигшіе реального знанія, т. е. знанія идей. «До тѣхъ поръ,—провозглашаетъ нашъ мыслитель основной канонъ своего политическаго ученія:—до тѣхъ поръ, пока философы не станутъ царями, или цари и князья не проникнутся духомъ философіи, такъ чтобы политическая сила и мудрость соединились въ одно, а люди съ низшими способностями были совсѣмъ исключены изъ этихъ сферъ,—до тѣхъ поръ, говоримъ мы, государство—нѣтъ! само человечество — не избавится отъ зла. Только тогда, когда все устроится, какъ мы говоримъ, идеальное государство осуществится и будетъ преуспѣвать.»

Спустя цѣлый рядъ столѣтій этой-же самой мысли, почти въ тождественной формѣ, суждено было возродиться въ мозгу другого человека, а именно Сень-Симона (Огюсть Контъ, который,

какъ извѣстно, также провозгласилъ подобное мнѣніе, былъ ученикъ послѣдняго). Такъ мало за этотъ громадный періодъ времени—23 вѣка—успѣли двинуться впередъ наши политическія идеи! Мы не беремся судить, насколько осуществленіе этой мысли было-бы желательнымъ для человѣчества: быть можетъ, зло отъ атрофіи гражданскихъ функцій большей части общества перевѣшивало-бы то благо, которымъ сопровождалось бы усиленное приложеніе освобожденной энергіи къ сферѣ личнаго самосовершенствованія; но вопросъ не въ этомъ, а именно въ томъ, осуществима-ли эта мысль вообще? Историческій опытъ показалъ намъ, что нѣтъ,—что люди не настолько безкорыстны, ни проникательны, ни безошибочны, чтобы, при отсутствіи общественнаго контроля и соучастія, какой-бы то ни было классъ могъ успѣшно править государственной ладьей на исключительное благо народа. Личныя и классовыя интересы и предрасудки, индивидуальныя недостатки и идіосинкразіи, и безчисленное множество другихъ обстоятельствъ мѣшаютъ возникновенію и существованію идеальныхъ правителей, какіе рисовались воображенію Платона, Сень-Симона и др.: это коренится въ несовершенствахъ не одной какой-нибудь страны, не одной какой-нибудь эпохи, а всего человѣчества и всей исторіи. Игнорировать этотъ фактъ такъ-же невозможно, какъ игнорировать само несовершенство нашего духовнаго и физическаго существа, и современное человѣчество, или по крайней мѣрѣ Западная Европа должна была послѣ вѣковыхъ страданій отказаться отъ подобной мечты и сознать, что нѣтъ другого залога общественному благополучію, кромѣ какъ въ самодѣятельности общества.

Все-же мы не должны думать, что Платонъ закрывалъ глаза на трудности, лежащія на его пути къ достиженію идеала; по крайней мѣрѣ онъ понималъ, что такія совершенныя личности, какъ его правители, не рождаются, а въ лучшемъ случаѣ—если онѣ вообще возможны—дѣлаются: отсюда преобладающее, можно сказать, огромное значеніе у него воспитанія. Мы ниже увидимъ, какія еще другія цѣли преслѣдовало воспитаніе въ Платоновскомъ государствѣ; теперь посмотримъ, въ чемъ оно состояло и какимъ образомъ вырабатывались достойные правители.

Роль воспитанія принадлежитъ самому государству, на руки которому ребенокъ передается чуть-ли не съ перваго дня своего рожденія. Начинается оно, какъ и слѣдуетъ ожидать, попеченіемъ о физическомъ развитіи будущаго гражданина,—попеченіемъ, ко-

торое въ сущности никогда не прекращается до самой его смерти. Но уже съ того самаго момента, когда въ ребенкѣ пробуждается сознаніе, начинается его систематическое нравственное и умственное воспитаніе, и здѣсь Платонъ предвосхищаетъ идеи Руссо и новѣйшихъ педагоговъ, которые поняли значеніе раннихъ впечатлѣній на духовную натуру человѣка и настаиваютъ на необходимости для здороваго ея развитія тщательно подобранныхъ вліяній съ ранняго младенчества. Съ 3-хъ приблизительно лѣтъ вплоть до юношескаго возраста, лѣтъ до 16-ти, непрерывно тянется образованіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: изученіе мѣровъ, гимнастическія упражненія, чтеніе и письмо и наконецъ музыка, въ которую включается и поэзія. Первые, т. е. мѣры, должны конечно быть очищены отъ непристойныхъ элементовъ, нравственныхъ и религіозныхъ, и имѣть исключительной цѣлью пробужденіе въ ребенкѣ эстетическаго чувства и воображенія. Подъ гимнастикою слѣдуетъ подразумѣвать не тѣ упражненія, которыя имѣютъ въ виду образованіе атлетовъ, съ цѣлью побуждать на публичныхъ играхъ, а военную выправку, ловкость, стойкость и выносливость—точь-въ-точь какъ оно было въ Спартѣ. Нужно научать дѣтей владѣть оружіемъ, переносить тяжести лагерей и походовъ и закалить тѣло противъ всякаго рода физическихъ вліяній и невзгодъ. Нужно внушать имъ чувство непрекословнаго повиновенія и любовь къ скромному образу жизни, не терпящему ни роскоши, ни даже комфорта. Но главными факторами нравственнаго воспитанія должны быть музыка и поэзія: онѣ возбуждаютъ сильныя и возвышенныя чувства, онѣ наполняютъ воображеніе высокими образами, вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ жажду подражанія, и наконецъ развиваютъ въ насъ то чувство гармоніи, ровности и уравновѣшенности, которое для грека было драгоцѣннѣе всего прочаго. Платонъ однако былъ убѣжденъ, что въ томъ видѣ, въ какомъ эти два искусства существуютъ, они совершенно непригодны для воспитательныхъ цѣлей. Сила ихъ могуча,—тѣмъ тщательнѣе должны они быть очищены отъ вредныхъ элементовъ, могущихъ нанести хрупкой человѣческой нравственности неописуемый вредъ. Есть напримѣръ роды музыки, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ способны вносить одну лишь деморализацію: одни—вульгарны по стилю, другіе—неестественны по формѣ, третьи—просто безсодержательны, а четвертые—не вызываютъ другихъ эмоцій, кромѣ сладострастія, изнѣженности,

лѣни, и т. д. Такая музыка должна быть совершенно исключена изъ идеальнаго государства: въ немъ она должна быть строга по формѣ, важна и медленна по темпу, и возвышенна и вмѣстѣ съ тѣмъ проста по содержанію. Только при такихъ условіяхъ она можетъ сдѣлаться первоклассной общественной силой, — «цитаделью и оплотомъ государства», всякое измѣненіе въ которой, говоритъ Платонъ, неминуемо вѣдетъ за собой коренное измѣненіе и въ законахъ государства!

Но еще бѣльшее вниманіе слѣдуетъ обратить на поэзію. Большинство поэтическихъ твореній страдаютъ тѣми же недостатками, что и музыкальныя, да къ тому еще и сюжеты ихъ далеко не всегда подходящи. Платонъ приводитъ цѣлый рядъ произведеній того времени, въ которыхъ авторы даютъ самыя превратныя понятія о мірѣ, о Богѣ, о жизни за гробомъ, о душѣ, и доказываетъ, что громадное большинство ихъ способно внушить лишь дурныя страсти и безнравственныя наклонности, вродѣ трусости, лицемерія, изнѣженности, пьянства, жестокости, и т. д. Онъ считаетъ поэтому необходимымъ выкинуть изъ существующей поэтической литературы — даже изъ Гомера — всѣ тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, вредны, и для вѣщней безопасности рѣшается совершенно изгнать изъ государства современныхъ поэтовъ наравнѣ со всѣми прочими жрецами искусствъ, не подходящихъ подъ его идеалъ: они-де, всѣ до одного, учителя ложной морали, достойные за свой талантъ быть украшенными вѣнками, но за свое пагубное вліяніе на нравы — быть выпровоженными за предѣлы страны. Только сочинители философскихъ діалоговъ, религіозныхъ драмъ и благородныхъ мѣтовъ остаются, остальные должны быть высланы.

Съ 16-ти лѣтъ юноша начинаетъ изучать математическія науки: геометрію и астрономію. Мы не должны удивляться тому значенію, которое придавали этимъ наукамъ древніе греки вообще и Платонъ въ частности. Многихъ отраслей знанія, которыя теперь существуютъ, тогда еще не было совсѣмъ, а изъ тѣхъ, которыя тогда уже были въ зачаткѣ, какъ на примѣръ медицина, ни одна еще не перешла за первоначальную эмпирическую стадію своего развитія. Одна лишь математика — и главнымъ образомъ геометрія — стала уже слагаться въ организованную систему со всѣми признаками науки. Знаніе математики казалось поэтому знаніемъ *par excellence*, и человѣческій умъ не то съ благого-

вѣніемъ, не то съ чувствомъ трепета останавливался передъ его поразительными истинами, его непреложными выводами и своеобразнымъ методомъ, такъ рѣзко отличавшимся отъ грубыхъ, такъ сказать, на ощупь основанныхъ методовъ прочихъ отраслей знанія. Воображеніе импонировалось чудесами математики, знакомство съ ней казалось сверхчеловѣческимъ, и люди, обладавшіе имъ, являлись чуть-ли не полу-богами или по крайней мѣрѣ мудрецами. Платонъ смотрѣлъ на все это точно такъ-же, какъ и его современники; но въ его глазахъ изученіе математики имѣло еще то крупное достоинство, что подготовляло и приучало людей отрѣшаться отъ чувственныхъ воспріятій, улавливать неизмѣнное подъ измѣнчивымъ, — словомъ, ставило ихъ на тотъ путь, который ведетъ къ познанію идей.

Математика такимъ образомъ была органическимъ элементомъ въ Платоновской системѣ воспитанія, и ею въ сущности заканчивается для большинства гражданъ теоретическое образованіе. Въ 18 лѣтъ они вступали въ практическую жизнь, занимаясь въ продолженіе 2-хъ лѣтъ главнымъ образомъ военнымъ искусствомъ. На 20-мъ же году происходитъ вѣчто вродѣ экзамена или просѣва: тѣ изъ молодыхъ людей, которые не обварижили достаточныхъ умственныхъ способностей и нравственныхъ достоинствъ, вродѣ неподкупности, прямоты и пр., но которые вмѣстѣ съ тѣмъ достаточво мужественны и безстрашны, остаются въ классѣ воиновъ: на нихъ возлагается дѣло защиты государства отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Но тѣ, которые отличались и въ томъ, и въ другомъ, идутъ дальше и продолжаютъ свое воспитаніе и образованіе съ цѣлью подготовиться къ посту администраторовъ и законодателей. До 30-ти лѣтъ эти люди занимаются всѣми существующими науками въ ихъ внутренней и взаимной связи: это какъ-бы высшее образованіе, имѣющее цѣлью не столько увеличить количество знаній, сколько развить въ учащихся способности къ самостоятельному и правильному мышленію. Тогда опять тѣ, которые не обварижили большихъ успѣховъ, занимаютъ низшія административныя и исполнительныя должности; остальные же приступаютъ къ изученію высочайшей изъ всѣхъ наукъ, этому вѣнцу челоѣческаго познанія, — къ діалектикѣ, наукѣ объ идеяхъ. Они постигаютъ всѣ тайны мірозданія и становятся философами, способными созерцать истое бытіе — истину, добро и красоту. Эти-то люди, цвѣтъ страны, превосходящіе всѣхъ

согражданъ своими умственными и нравственными качествами, и дѣлаются, спустя известное число лѣтъ, проведенныхъ въ практической дѣятельности, правителями государства.

Читатель, надѣмся, не попрекнетъ насъ за то, что мы остановились на Платоновской системѣ воспитанія: оно играло у него слишкомъ большую роль, чтобы можно было ограничиться парой словъ. Оно вырабатывало классъ философовъ—правителей,—элементъ въ общественной организаціи, который, по мнѣнію нашего мыслителя, отличаетъ идеальное и совершенное государство отъ всякаго другого. Но оно ведетъ еще и къ другимъ результатамъ. Прежде всего оно дѣлаетъ возможной ту классификацію гражданъ по способностямъ и наклонностямъ, на которой основывается раздѣленіе труда и установленіе классовъ,—два основныхъ устоя Платоновской республики. Человѣку дается полная возможность развивать свои способности въ той или другой сферѣ и пріобрѣтать соотвѣтствующія знанія: въ какой изъ этихъ сферъ онъ окажетъ наилучшіе успѣхи, и въ какой стало-быть онъ сможетъ быть наиболее полезенъ обществу, — къ той его и приставятъ: этимъ обеспечится максимумъ производительности наличныхъ силъ страны. Но выше всего этого стоитъ главная и общая цѣль воспитанія, а именно—развитіе въ людяхъ добродѣтели, т. е. реализація высшаго блага. Добродѣтель, если не тождественна со счастьемъ, есть во всякомъ случаѣ его причина, какъ порокъ—причина зла, а такъ какъ единственный *raison d'être* государства есть обезпеченіе за каждой личностью, входящей въ его составъ, наибольшей суммы этого счастья, то главнымъ и конечнымъ предметомъ заботъ его должна быть добродѣтель, т. е. выясненіе нравственныхъ идеаловъ и насажденіе ихъ въ сердцахъ и умахъ людей. Въ чемъ же добродѣтель состоитъ?

Мы знаемъ, что душа міровая и человѣческая состоятъ изъ трехъ элементовъ: раціональнаго, ирраціональнаго или чувственнаго, и средняго между ними,—мужественнаго; точно такъ-же и государство слагается изъ трехъ классовъ, совершенно аналогичныхъ этимъ элементамъ. Первый классъ—классъ философовъ—соотвѣтствуетъ верховной части души—разуму: и тотъ, и другой правятъ, и тотъ, и другой имѣютъ дѣло съ идеями. Второй классъ—воины—представляетъ не что иное, какъ общественное, такъ сказать, воплощеніе второго элемента души—духа, который хотя и противоположенъ разуму (классу философовъ), но всегда является его

помощникомъ и союзникомъ. Третій-же, самый низшій классъ, — классъ работниковъ, — занимающійся физическимъ трудомъ, вполне сходенъ съ третьей, низшей частью души, имѣя дѣло съ матеріальными предметами и никогда не поднимаясь выше феноменальнаго міра.

Отсюда естественно, что и добродѣтель или нравственное совершенство каждаго изъ этихъ классовъ должно быть аналогично добродѣтелямъ соотвѣтствующихъ частей души: первый классъ достигаетъ высоты своего призванія, когда онъ обладаетъ знаніемъ идей или мудростью; второй — не иначе можетъ выполнять свои обязанности, какъ будучи мужественъ, а третій — долженъ видѣть свой нравственный идеалъ въ самообладаніи и повиновеніи. Эти добродѣтели представляются болѣе, чѣмъ цѣлями, къ которымъ классы должны стремиться: онѣ суть необходимыя условія существованія класса, какъ таковаго: безъ мудрости нѣтъ философовъ и правителей, безъ мужества — нѣтъ воиновъ, и безъ самообладанія и повиновенія нѣтъ рабочаго сословія. Каждый изъ этихъ классовъ долженъ практиковать свою добродѣтель, и только ее одну, — подобно тому, какъ каждый обязанъ заниматься исключительно своимъ дѣломъ: въ этомъ заключается основное требованіе справедливости, — добродѣтели, общей для каждаго гражданина безъ различія классовъ.

Платоновское государство состоитъ такимъ образомъ изъ трехъ сословій, рѣзко отдѣленныхъ одно отъ другого родомъ дѣятельности и нравственными стремленіями. Схема конечно въ высшей степени искусственная, принимая общество скорѣе за механически сколоченное зданіе, чѣмъ за организмъ, компактный и цѣльный, медленно, но непрерывно развивающійся. Но здѣсь, быть можетъ, важно не столько то, что нашъ философъ считаетъ возможнымъ искусственно построить такое общество — хотя конечно и это крупное заблужденіе, отъ котораго мы не вполне еще избавились и повинѣ, — сколько то, что, по его мнѣнію, разъ навсегда установленныя формы общества постоянно для него пригодны и цѣлесообразны. Онъ не видалъ динамической стороны соціальнаго организма и не зналъ, что количество, интенсивность и взаимоотношенія въ немъ силъ постоянно мѣняются, и что слѣдовательно смѣна формъ является не только естественной спутницей, но и необходимымъ условіемъ общественнаго прогресса. Мечтать поэтому о томъ, что обществу можно обезпечить наибольшую сумму блага,

втиснувъ его въ разъ навсегда застывшія, окостенѣлыя, хотя-бы и совершенныя формы, не только напрасно, но и противорѣчить требованіямъ соціальнаго прогресса.

Эта глубокая ошибка лежитъ въ основѣ всего дальнѣйшаго развитія Платоновской схемы. Государство не должно быть ни слишкомъ малымъ, ни слишкомъ обширнымъ, а какъ разъ такихъ размѣровъ, которые удовлетворяли-бы матеріальнымъ нуждамъ народа и требованіямъ нормальнаго общежитія. Оно не должно быть также ни слишкомъ бѣднымъ, ни слишкомъ богатымъ: въ первомъ случаѣ оно терпѣло-бы нужду, порождающую разнаго рода зло, физическое и нравственное, а во второмъ—появились-бы на сцену роскошь, развратъ, тунеядство и прочіе пороки — дѣтища богатства. Вообще, говоритъ онъ, во всѣхъ странахъ, гдѣ имѣются большія богатства, господствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крайняя бѣдность: государство не составляетъ одного цѣлаго, а распадается какъ-бы на два отдѣльныхъ класса—богатыхъ и бѣдныхъ, постоянно между собою враждующихъ и борющихся. Въ *его* государствѣ заниматься производствомъ матеріальнаго богатства будетъ одинъ лишь третій, самый многочисленный, классъ; остальные-же два будутъ жить трудомъ послѣдняго, получая отъ него опредѣленное и скромное содержаніе. Такой режимъ предотвратитъ образованіе въ государствѣ указанныхъ двухъ экономически-противоположныхъ классовъ и устранивъ одну изъ главныхъ причинъ междоусобицъ, такъ часто ведущихъ къ гибели общества. Однако и этого недостаточно: зависть и ревность—два могущественныхъ чувства, вырастающихъ на институтахъ частной собственности и семьи, являются весьма важными факторами деморализаціи и разложенія въ общественной жизни. Эти чувства, стало быть, также надлежитъ уничтожить, а для этого не остается ничего другого, какъ вырвать съ корнемъ сами институты.

Этотъ пунктъ въ Платоновской схемѣ болѣе, нежели какой-либо другой, вызывалъ и продолжаетъ вызывать враждебную критику; но замѣчательная вещь: всякій разъ, какъ общественные реформаторы принимались строить подобнаго рода соціальныя схемы, они неминуемо доходили до тѣхъ же или аналогическихъ заключеній. Врядъ-ли конечно кто изъ такихъ реформаторовъ смотрѣлъ на эти институты съ точки зрѣнія историческаго момента и видѣлъ въ нихъ закономерныя категоріи, появляющіяся на извѣстной стадіи общественнаго развитія. Врядъ-ли они видѣли

ту тѣсную между ними связь, въ силу которой учрежденія являются двумя соотносительными результатами одного и того-же общаго экономическаго движенія, и наконецъ, едва-ли для нихъ была вполнѣ понятна та чисто-экономическая роль, которую, къ благу-ли или несчастью народа, частная собственность играетъ въ его жизни. Они могли лишь констатировать выплывающія на поверхность отрицательныя явленія, вродѣ недовольства или преступленій противъ личности, являющихся обычными и печальными результатами существованія «моего» и «твоего»; но этого было для нихъ достаточно, — въ особенности для Платона, передъ глазами котораго совершалось быстрое и неудержимое разложеніе афинской политики, благодаря безпрестанной борьбѣ поземельныхъ собственниковъ съ денежной буржуазіей. Въ идеальномъ государствѣ этого не должно быть: правящіе классы, философы и воины, должны жить какъ одна семья, не встрѣчая никакихъ поводовъ къ раздорамъ и спорамъ въ сталкивающихся желаніяхъ присвоить въ свою исключительную собственность или пользованіе тѣ или другія вещи. За исключеніемъ того, что абсолютно необходимо для немедленнаго потребленія, у нихъ не должно быть ничего такого, про что они могли-бы сказать: это—мое. У нихъ нѣтъ ни отдѣльныхъ домовъ, закрытыхъ для остальныхъ гражданъ, ни другого имущества или имѣнія, на которыя тотъ или другой индивидъ имѣлъ-бы исключительныя права. Все принадлежитъ всѣмъ сообща, — и даже столъ у нихъ долженъ быть общій, какъ на о. Критѣ или въ Спартѣ.

То же самое и относительно семьи. Платонъ видитъ всю деликатность этого вопроса, котораго люди всѣми силами стараются не затрогивать, и передъ которымъ, какъ передъ святыней, останавливаются и опускаютъ руки самые дерзкіе радикалы. Философъ долго колеблется выразить свое мнѣніе на этотъ счетъ, — это мнѣніе столь необычайно! но вопросъ — первостепенной важности для жизни общества, и трусливое замалчиваніе его недостойно серьезнаго политическаго мыслителя. И онъ рѣшается: институтъ семьи долженъ быть разрушенъ, т. е. всякое болѣе или менѣе продолжительное сожителство мужчины и женщины съ вытекающими изъ него обязательствами, нравственными и матеріальными, какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и къ дѣтямъ. Не говоря уже о томъ, что обладаніе женщиной въ смыслѣ исключенія всѣхъ прочихъ мужчинъ можетъ легко подать поводъ къ зависти, ревности, пре-

ступеніямъ и даже междоусобицамъ, — самое существованіе семьи вноситъ противорѣчивый элементъ въ государственную организацію, какъ ее понималъ Платонъ. Философы и воины существуютъ только для государства и не должны имѣть никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ общественныхъ; между тѣмъ семейная организація какъ бы обособляетъ личность, замыкая ее въ отдѣльный мірокъ и вводя въ ея мысль постороннія заботы. Тутъ, стало быть, дѣло даже не въ томъ, что человѣку часто приходится стать въ фальшивое положеніе и идти на компромиссы въ желаніи примирить интересы лично-семейные съ общественными: уже одного того факта, что онъ перестаетъ принадлежать всецѣло государству, достаточно, чтобы осудить семью, какъ элементъ противогосударственный. Женщины должны принадлежать всѣмъ и никому, причемъ функція дѣторожденія должна служить исключительно цѣлямъ государства и стать подъ его контроль. Философы периодически рѣшаютъ о числѣ потребныхъ государству гражданъ и назначаютъ извѣстные праздники для брачныхъ союзовъ, въ которые могутъ вступать мужчины лишь между 25-ти и 45-ти лѣтнимъ возрастомъ, и женщины между 20-ти и 40-лѣтнимъ: этотъ-де періодъ наиболѣе нормаленъ и обезпечиваетъ физическое и духовное здоровье дѣтей, и всякія сношенія до него считаются вредными, нечистыми, а потому преступными. Эти союзы происходятъ не въ силу взаимной склонности обѣихъ сторонъ, но по указаніямъ правителей, которые постановляютъ — кому съ какой женщиною сойтись. Красивѣйшія и благороднѣйшія женщины, чья любовь наиболѣе драгоцѣнна, отдаются тѣмъ гражданамъ, которые либо по своимъ физическимъ и нравственнымъ достоинствамъ, либо по своимъ выдающимся заслугамъ стоятъ выше всѣхъ своихъ соперниковъ: онѣ являются какъ бы призами для достойнѣйшихъ, стимулируя ихъ къ благородному соревнованію, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются матерями прекраснѣйшихъ дѣтей, — ибо, говоритъ Платонъ, въ государствѣ надлежитъ придерживаться того же принципа, что и въ хозяйствѣ, гдѣ мы подбираемъ подходящую самку для даннаго самца такъ, чтобы получить потомствожелаемаго типа. Эта цѣль — доставить государству способныхъ гражданъ — становится у Платона господствующей; ради нея онъ забываетъ благо личности, для реализаціи котораго только и существуетъ идеальное государство; и во имя ея онъ приноситъ въ жертву все, что мы считаемъ наиболѣе дорогимъ и святымъ. Съ

безпощадно-прямолинейной логикой утверждаетъ онъ, что дѣти, родившіяся больными и уродливыми или сверхъ назначеннаго комплекта, должны быть немедленно убираемы прочь и безжалостно умерщвляемы. Такую же участь должны раздѣлять и здоровые младенцы, но явившіеся на свѣтъ отъ родителей, перешагнувшихъ за законный возрастъ, 45 и 40 лѣтъ, когда брачные союзы могутъ совершаться безпрепятственно, но должны быть безплодны. Какъ только ребенокъ рождается и оставляется въ живыхъ, его немедленно отнимаютъ у матери и отсылаютъ въ дальніе воспитательные дома, куда матери поочередно приходятъ и кормятъ всѣхъ находящихся тамъ дѣтей безразлично: ни ребенокъ такимъ образомъ не знаетъ своей матери, ни мать—своего ребенка, но всѣ дѣти, родившіяся на 10-мъ мѣсяцѣ послѣ извѣстныхъ праздниковъ, называютъ отцами и матерями всѣхъ тѣхъ, которые въ то время сошлись въ брачномъ союзѣ. Этимъ окончательно отнимается почва, на которой могла-бы сложиться частная семья: вмѣсто нея вырастаетъ семья общественная, въ предѣлахъ и интересахъ своихъ совпадающая съ самимъ государствомъ.

Намъ неудобно входить здѣсь въ оцѣнку подобныхъ взглядовъ на семью, съ точки зрѣнія общественнаго института: она, пожалуй, и веумѣства будетъ въ этомъ очеркѣ. Но мы не можемъ не отмѣтить того факта, что, увлеченный своими высокими идеями о государствѣ, Платонъ создалъ не только воображаемое общество, но и воображаемыхъ человѣческихъ существъ. Онъ лишилъ ихъ плоти и крови и сдѣлалъ какими-то ходячими единицами, имѣющими значеніе лишь по столько, по сколько онѣ идутъ на составленіе общей суммы—государства. Онъ отнялъ у нихъ благороднѣйшія психическія потребности—въ любви половой и родительской,—и оставилъ имъ одну лишь фізіологическую функцію; да и эту послѣднюю философъ не прочь былъ-бы стереть съ лица воображаемой земли, еслибы считалъ возможнымъ или нашелъ способъ увеличить народонаселеніе, не прибѣгая къ ней. Мы не можемъ признать режимъ, который онъ ставитъ на его мѣсто, возможнымъ или даже желательнымъ: контроль въ области брачныхъ союзовъ, быть можетъ, до нѣкоторой степени и необходимъ, но онъ не долженъ переходить за предѣлы человѣчности и обращать общество въ конный заводъ.

Въ тѣсной связи съ вышеприведеннымъ стоятъ взгляды Платона на положеніе женщины въ обществѣ. Въ эпоху, когда

жилъ Платонъ, она уже оставила свою прялку и вышла изъ своего терема-гинекея, о которомъ мы читаемъ у Гомера, и, не имѣя еще юридическихъ правъ, тѣмъ не менѣе уже стала человѣческой личностью и общественной силой. Но нашъ философъ пошелъ еще дальше. Онъ равно далекъ былъ отъ рыцарскаго ей поклоненія, подъ которымъ лишь скрывается презрѣнiе къ ней, какъ къ существу вѣчно несовершеннѣйшему, и отъ того буржуазнаго лицемѣрія, которое хочетъ видѣть въ женщинѣ воплощеніе «тихихъ добродѣтелей» или «украшеніе домашняго очага» и вмѣстѣ съ тѣмъ отсылаетъ ее на фабрику или на улицу. Для Платона женщина была прежде и послѣ всего человѣкъ съ тѣми же правами и обязанностями, что и мужчина, и согласно съ этимъ онъ хочетъ, чтобы она получила то же самое воспитаніе и образованіе въ поэзіи, въ музыкѣ, гимнастикѣ, математикѣ и пр., и занимала тѣ же государственные посты, что и тотъ. Философъ хорошо зналъ, какого рода доводы приведутъ противъ него его противники, но онъ зналъ также и какъ имъ отвѣтить. Ему укажутъ на анатомическія и фізіологическія различія въ организмахъ женщинъ и мужчинъ и напомнятъ его же принципъ, въ силу котораго различія въ силахъ и способностяхъ должны вести—если уже не для блага самой личности, то по крайней мѣрѣ для блага общества—къ соотвѣтствующему различію въ обязанностяхъ и правахъ. Онъ не отрицаетъ силы этого аргумента и не старается отъ него уклониться, но указываетъ, что этотъ аргументъ къ дѣлу вовсе не относится. На свѣтѣ, говоритъ онъ, существуютъ плѣшивые и не плѣшивые: слѣдуетъ-ли изъ этого, что однимъ мы должны отвести сферу дѣятельности менѣе привилегированную, нежели другимъ? Конечно нѣтъ, потому что въ такихъ вопросахъ мы должны принимать въ соображеніе не всякія особенности въ физической или духовной природѣ людей, а только тѣ, которыя такъ или иначе имѣютъ отношеніе къ данному роду дѣятельности. Плѣшивость висколько не мѣшаетъ человѣку быть мудрымъ или мужественнымъ и слѣдовательно выполнять обязанности правителя или воина; но развѣ большей помѣхой являются извѣстныя особенности женскаго организма и, въ частности, функція дѣторожденія? Платонъ рѣшительно отрицаетъ это: онъ убѣжденъ, что между способностями и силами мужчины и женщины не существуетъ никакой качественной разницы, которая оправдывала бы рѣзкое разграниченіе въ правахъ и сферахъ дѣятельности ихъ. Правда,

говорить онъ, — и исторія доказала нендобность даже этой уступки, — правда, существуютъ нѣкоторыя занятія, какъ напримѣръ пряденіе или стряпня, гдѣ женщины отъ природы отличаются больше, нежели мужчины, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы должны всѣхъ ихъ безъ исключенія засадить за ту или другую изъ этихъ работъ: среди женщинъ, какъ и среди мужчинъ, есть такія, которыя болѣе способны быть философами, нежели кухарками, или отличаются въ тѣлесныхъ упражненіяхъ больше, нежели въ пряхѣ. Обратить поэтому всѣхъ женщинъ въ пряхъ или кухарокъ было бы такъ же нелѣпо, какъ обратить всѣхъ мужчинъ въ воиновъ или въ философовъ; все зависитъ исключительно отъ рода способностей, которыми одарена личность, а никакъ не отъ пола ея. Въ силу этого Платонъ и требуетъ, чтобы женщина имѣла доступъ ко всѣмъ занятіямъ и общественнымъ постамъ наравнѣ съ мужчиной, и чтобы единственнымъ критеріемъ въ распредѣленіи этихъ занятій была не принадлежность къ тому или другому полу, а обладаніе тѣми или другими на то данными. «Итакъ, — заключаетъ Платонъ: — законъ, который мы предлагаемъ, вполне согласенъ съ требованіями природы, а потому — не невозможенъ и не фантастиченъ; тотъ же порядокъ вещей, который существуетъ на дѣлѣ, въ дѣйствительности представляетъ не больше, какъ нарушеніе естественнаго права».

За женщиною такимъ образомъ признается полная государственная правоспособность, и, освобожденная отъ тѣхъ обязанностей и трудовъ, которые сопряжены съ семейной организаціей общества, она дѣлается правителемъ или воиномъ, какъ и мужчина. Естественнo, что въ виду этого она должна вмѣстѣ съ мужчиной пройти черезъ одну и ту же систему воспитанія и образованія, и здѣсь Платону вновь приходится отвѣчать на нѣкоторыя возраженія противниковъ, — возраженія, которыя съ такимъ-же апломбомъ выставялись тогда, какъ и теперь. Насчетъ поэзіи и музыки дѣло еще сносно: пожалуй, даже обученіе этимъ предметамъ придастъ женщинѣ нѣкоторую пикантность, — которой раньше въ гинекеяхъ не было мѣста. Но какъ насчетъ математики или философій? Не убьетъ-ли это все, что такъ привлекательно въ ней, что ей наиболѣе къ лицу, что составляетъ даже отличительную ея особенность, — именно то неуловимое нѣчто, которое зовется женственностью? А еще болѣе гимнастика, при занятіяхъ которой она по правиламъ должна будетъ обнажаться: вѣдь это значитъ за-

вѣдомо отнимать у нея ея лучшее украшеніе и охрану — стыдъ, и прямо толкать ее на путь безнравственности и разврата! Но Платонъ смѣется надъ всѣмъ этимъ: для него подобныя возраженія отзываются лишь предразсудками, которые, онъ увѣренъ, исчезнутъ съ теченіемъ времени, когда эти нынѣ столь шокирующіе порядки потеряютъ характеръ новизны. Люди привыкаютъ ко всему: они привыкнутъ и къ этому, и все, что теперь кажется бессмысленнымъ и безнравственнымъ, станетъ казаться естественнымъ, какъ если-бы оно существовало споконъ вѣка.

Что же касается до необходимости для женщинъ обнажаться при гимнастикѣ и такимъ образомъ подвергаться насмѣшкамъ и опасностямъ, то Платонъ не безъ сарказма замѣчаетъ, что было-бы очень печально, если-бы женская нравственность охранялась одной лишь одеждою. Онъ лучшаго мнѣнія о женщинѣ, нежели всѣ эти рьяные идеологи «женственности», и считаетъ вполне возможнымъ, чтобы она сохранила свою скромность, не смотря на наготу. Пусть, говоритъ онъ, добродѣтель служить ей одеждой, пусть она ей будетъ броней и защитой отъ посягательствъ на ея чистоту: тогда женщина сможетъ безнаказанно обнажаться и раздѣлять съ мужчиной труды военные и правительственные.

Во всемъ этомъ слышатся знакомыя намъ нотки, и мы не знаемъ, чему больше удивляться: прозорливости-ли и благородству Платоновскихъ взглядовъ на женщину, какъ на человѣческую и гражданскую личность, или тому, какъ стары возраженія противниковъ женской эмансипаціи, которыя мы слышимъ еще и теперь, въ современный намъ вѣкъ. Во всякомъ случаѣ Платонъ былъ первый изъ европейскихъ мыслителей, который сумѣлъ отрѣшиться отъ вѣковыхъ предразсудковъ и стать на высшую точку зрѣнія, съ которой женщина перестаетъ оцѣниваться, какъ самка, и пріобрѣтаетъ значеніе человѣческаго существа. Идеаль былъ высокій. — столь высокій, что нуженъ былъ цѣлый рядъ столѣтій, чтобы онъ сталъ достояніемъ всего человѣчества и могъ приблизиться къ реализаціи.

Мы старались изложить какъ можно яснѣе и подробнѣе политическіе взгляды великаго мыслителя. Что они по тѣмъ или другимъ причинамъ не вполне приложимы, признавалъ уже самъ Платонъ, который въ концѣ своей жизни долженъ былъ отказаться отъ нихъ и составить другой проектъ, ближе принимавшій въ соображеніе дѣйствительныя условія жизни. Въ своемъ сочиненіи

«Законы», оставшемся, къ сожалѣнію, недоконченнымъ, онъ даетъ картину общества, построеннаго уже на другихъ принципахъ, гдѣ нѣтъ мѣста ни рѣзкому раздѣленію на классы, ни общности имущества и женщинъ. Но первый проектъ все же остался его наиболѣе любимымъ дѣтищемъ, и, быть можетъ, когда часъ его смерти былъ близокъ, онъ ни о чемъ такъ не жалѣлъ, какъ о томъ, что не могъ привести его въ исполненіе. Къ сожалѣнію, мы въ настоящее время не могли бы раздѣлять ни тѣхъ восторговъ, ни тѣхъ надеждъ, которые повидимому Платону внушала его утопія. Человѣческая мысль движется впередъ, и одно изъ самыхъ цѣнныхъ ея завоеваній состоитъ въ умѣншіи опредѣлять въ каждый данный моментъ предѣлы возможности для осуществленія того или другаго идеала. Мы отказались бы поэтому отъ Платоновскихъ идеаловъ, какъ отъ неосуществимыхъ, даже если-бы они были совершенны; но они къ тому же никогда и не были такими. Не вдаваясь въ частности, мы спросимъ лишь одно: гдѣ въ Платоновскомъ государствѣ народъ? Мы знакомы съ философами, мы знаемъ воиновъ, но нигдѣ собственно мы не видимъ народа. Тамъ, гдѣ-то, глубоко внизу, во мракѣ и удущьи копошится сѣрая масса подобно нагимъ рудокопамъ въ шахтахъ или чернымъ муравьямъ въ земляномъ муравейникѣ: народъ-ли это? какую роль онъ играетъ? какъ онъ живетъ? страдаетъ-ли? мыслить-ли? Намъ неизвѣстно: мы знаемъ лишь, что онъ работаетъ на все общество, и что общество живетъ его трудомъ, но дальше этого народъ съ нимъ не имѣетъ ничего общаго. Для кого же въ такомъ случаѣ и для чего строить Платонъ свое государство? Не для горсти-ли философовъ и не для того-ли только, чтобъ обезпечить имъ досугъ для «философствованія» и дать возможность устраивать политическіе эксперименты? Народная масса у Платона — это та толпа гребцовъ-невольниковъ, которою приводится въ движеніе государственная ладья: она нужна, потому что обществу нужны физическій трудъ и черная работа, но иного мѣста, какъ въ трюмѣ, ей нѣтъ: тамъ она должна жить и работать, не зная ни свѣта, ни счастья, ни того, что происходитъ наверху. Она стоитъ въѣ политической организаціи, какъ тѣ илоты, на которыхъ покоилось спартанское общество; она создана не для себя, а для философовъ, и всѣ толки объ обязанностяхъ къ ней послѣднихъ теряютъ всякій реальный смыслъ.

Новыя изданія Ф. ПАВЛЕНКОВА:

Соціологія. *Шарля Летурино.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора *А. С. Трачевскаго.* Цѣна 1 р. 50 к.

Антропологія. *Крживицкаго.* Переводъ съ польскаго подъ ред. *Р. И. Сементковскаго* Съ рисунками въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 к.

Физиологія страстей. Д-ра *Ш. Летурино.* Переводъ *В. В. Святловскаго.* Ц. 1 р

Очеркъ психологіи. *Вундта.* Перев. съ нѣмецкаго *Г. Паперна.* Ц. 75 коп.

Экономическая система Карла Маркса. Проф. *Вѣйскаго* университета *Гросса.* Перев. *Рашковскаго.* Новое изданіе. Цѣна 20 коп.

Исторія религіи. Проф. *Мензиса.* Переводъ съ англійскаго *М. Чепинской.* 336 стр. Ц. 1 р.

Прогрессивная нравственность. Проф. *Фаулера.* Переводъ съ англійскаго, подъ ред. *Владимира Соловьева.* Цѣна 40 коп.

Психическіе факторы цивилизаціи. *Л. Уорда.* Переводъ съ англійскаго. 324 стр. Ц. 80 коп.

Представительное правленіе. *Д. Стюарта Милля.* Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *Р. Сементковскаго.* Цѣна 60 коп.

Общественный прогрессъ и регрессъ. Проф. *Грефа.* Перев. съ французскаго. *Г. Паперна.* Ц. 1 р. 50 к.

Женщина передъ судомъ науки. *Жака Лурбе.* Переводъ съ франц. *Е. Предтеченскаго.* Ц. 30 к.

Наслѣдство и раздѣлъ. *Я. Абрамова.* Книжка эта составляетъ № 2 «Популярно-юридической бібліотеки». Ц. 25 к.

Кометы и падучія звѣзды. Популярныя бесѣды *Е. Предтеченскаго.* Съ 26 рис. Ц. 40 коп.

Живописная астрономія. *К. Фламмаріона.* Переводъ *И. А. Предтеченскаго.* Съ 382 рисунками въ текстѣ и 3 хромолитографіями. Цѣна 3 р.

Біологія. *В. Лункевича.* Съ 208 рисунками въ текстѣ и хромолитографіей. Ц. 2 руб.

Научныя забавы. *Федо.* Явленія и опыты, основанныя на обманѣ чувствъ. Переводъ *Е. А. Предтеченскаго.* Съ 128 рис. Ц. 60 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Сочиненія Ч. Диккенса. Томъ X. Съ портретомъ и біографіей Диккенса. Ц. 1 р 50 к. Содержаніе: Лавка древностей. Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ. Станція Мёгби. Мёдфогскія записки. Реценты д-ра Меригольда. Безъ выхода.

Съ 1894 г. издается въ Петербургъ Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СКАЗОЧНАЯ БИБЛЮТЕКА.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книгъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая и нѣсколько маленькихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ. Всѣ книжки нумеруются отъ первой до послѣдней. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп.

До 1 февраля 1896 г. выпущено 73 книжекъ, въ составъ которыхъ вошли слѣдующія сказки

№№

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА.

книжекъ

1. Дочь болотнаго царя. Съ 15 рис., портретомъ и біографіей Андерсена (15 коп.).
2. Райскій садъ. Съ 6 рис. (8 коп.).
3. Домовой и лавочникъ. Свинья-копилка. На птичьемъ дворѣ. Красныя башмачки. Съ 8 рис. (10 коп.).
4. Супъ изъ колбасной палочки. Съ 6 рис. (6 к.).
5. Оде-Дукъ-Ойе. Ленъ Свиньи. Капля воды. Съ 8 рис. 10 коп.).
6. Цвѣты маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочистъ. Съ 10 рис. (10 коп.).
7. Снѣжная царица. Съ 16 рис. (15 к.).
8. Анна-Лизбета. Съ 10 рис. (5 к.).
9. Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. Съ 9 рис. (5 к.).
10. На дюнахъ. Съ 8 рис. (15 к.).
11. Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣва. Съ 8 рис. (8 коп.).
12. Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Съ 9 рис. (8 коп.).
13. Колоколь. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. Съ 7 рис. (6 коп.).
14. Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. Съ 10 рис. (10 к.).
15. Камень мудрости. Съ 5 рис. (8 к.).
16. Большой морской змѣй. Свѣчи. Съ 4 рис. (5 коп.).
17. Золотое сокровище. Блоха и профессоръ. Съ 10 рис. (6 коп.).
18. Дикіе лебеди. Съ 6 рис. (8 к.).
19. Сынъ привратника. Съ 9 рис. (8 к.).
20. Морская царевна. Должна-же быть разница. Съ 10 рис. (10 коп.).
21. Соловей. Жаба. Съ 11 рис. (8 к.).
22. Попутчикъ. Съ 7 рис. (8 к.).
23. Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со спячками. Съ 6 рис. (6 к.).
24. Какъ ши счастья. Съ 7 рис. (10 к.).
25. Она никуда не годилась. Старый домъ. Дѣвская болтовня. Съ 7 рис. (8 коп.).
26. Исторія одной матери. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. Съ 9 рис. (8 к.).
27. Безобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. Съ 13 рис. (8 к.).
28. Тѣнь. Мѣдный вабачъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ—все хорошо. Съ 9 рис. (10 к.).
29. Бутылочное горлышко. Подъ явой. Съ 13 рис. (10 к.).
30. Дѣва льдовъ. Съ 19 рис. (18 коп.).

СКАЗКИ ГАУФА.

31. Холодное сердце. Съ 10 рис., портретомъ и біографіей Гауфа (18 коп.).
32. Сказка о Калифъ-ангстѣ. Молодой англичанинъ. Съ 10 рис. (12 к.).

№№

книжекъ

33. Преданіе о золотомъ. Маленькій Мушъ. Съ 16 рис. (15 к.).
34. Карликъ-носъ. Съ 10 рис. (12 коп.).
35. Приключеніе Саада. Съ 11 рис. (15 к.).
36. Принцъ-Самозванецъ. Еврей Абнеръ, который ничего не видалъ. Съ 7 рис. (10 коп.).

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА.

37. Корона морского царя. Друзья короля Османа. Неумѣстная гордость. Король Карій. Съ 10 рис. портретомъ и біографіей Густафсона (10 коп.).
38. Пастухъ и принцесса. Цвѣты радости. Такъ водится на войнѣ. Баржа. Съ 10 рис. (10 к.).
39. Храмъ истины. Король, страдавшій бессонницей. Каменная глыба. Скороснѣлка. Попугай и жаворонокъ. Съ 12 рис. (10 к.).
40. Парижская кукла. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ папы. Съ 10 рис. (10 к.).
41. Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. Съ 9 рис. (10 коп.).

СКАЗКИ ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ.

42. Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ 9 рис. портретомъ и біографіей Жоржъ-Зандъ. (18 к.).
43. Розовое облако. Съ 5 рис. (12 коп.).
44. Великанъ Іоусъ. Съ 6 рис. (15 коп.).
45. Крылья мужества. Съ 9 рис. (25 коп.).

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ

въ стихахъ.

№№ 46 по 70, цѣна каждой книж. 10

СКАЗКИ КАРМЕНЪ СИЛЬВА.

71. Омуль. Замокъ вѣдьмы. Съ 10 рис., портретомъ и біографіей Карменъ Сильва (15 к.).
72. Оленья долина. Близноцы. Чахлау. Съ 11 рис. (15 коп.).
73. Піатра Арса. Каранманъ. Вирфуль-ку-доръ. Фурника. Съ 13 рис. (15 коп.).

СКАЗКИ ЛАБУЛЭ.

74. Мальчикъ-съ-пальчикъ. Маленькій человекъ. Доволенъ-ли ты? Или приключеніе съ носами. Съ 16 рис. портретомъ и біографіей Э. Лабулэ. (15 коп.).
75. Иванъ и Финетта. Съ 17 рис. (15 коп.).
76. Зербинъ-бирюкъ. Золотое руно. Съ 21 рис. (18 коп.).
77. Паша-Пастухъ. Фраголетта. Божьи гули. Съ 25 рис. (15 коп.).
78. Бацъ-Бацъ. Съ 13 рис. (15 коп.).